

Татьяна Борщевская
Россия — боль моя

Том 2

Татьяна Борщевская

Россия – боль моя. Том 2

«Издательские решения»

Борщевская Т. А.

Россия – боль моя. Том 2 / Т. А. Борщевская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907648-9

Эта книга — не историческое исследование. Это впечатления неравнодушного современника. Книга об исторической российской катастрофе XX века; о революции 1917-го, о сталинском строительстве социализма и его крушении. Несмотря на неисчислимые человеческие, интеллектуальные и материальные потери, Россия выжила и сейчас поднимается на очередном историческом пепелище. Нам всем, особенно молодежи, ее лечить и поднимать. Для этого ее надо любить. А чтобы любить, надо знать, знать ее историю и культуру!

ISBN 978-5-44-907648-9

© Борщевская Т. А.
© Издательские решения

Содержание

Сталин – строитель социализма	6
Гулаг	37
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Россия – боль моя

Том 2

Татьяна Александровна Борщевская

На обложке береза в виде креста, которая выросла на месте концентрационного лагеря СЛОН (Соловецкий лагерь особого назначения).

© Татьяна Александровна Борщевская, 2018

ISBN 978-5-4490-7648-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сталин – строитель социализма

Октябрьский переворот 1917 года положил начало бушующей большевистской революции в России. Эта революция называлась пролетарской. Ее гегемоном был люмпен-пролетариат и просто люмпен – все те, кому «нечего было терять», кто легко крушил «до основания», ибо революция обещала: «кто был никем, тот станет всем».

Горели имения, разрушались заводы и фабрики, подвергались грабежу и осквернению дворцы, богатые дома. Потом святотатственному разрушению, осквернению и ограблению подверглась Церковь: храмы, церкви, монастыри.

Крестьян в Гражданской войне грабили обе стороны: и белые, и красные.

Страна оказалась разрушенной, разграбленной. Все, кто мог, покинули или покидали ее. Голод и разруха сравняли в нищете всех. Революция почти достигла цели – равенства. В нищете. Но хлеб нужен и нищему. Хлеба не было. Введенная продразверстка – насильственное изъятие хлеба у крестьян результатов не давала. Насилие, угрозы, расстрелы не помогали – хлеба не было. Вождь мирового пролетариата Ленин вынужден был признать: «Мы сели в лужу...». И ввел НЭП – новую экономическую политику.

Страна, разоренная Мировой и Гражданской войнами, но не успевшая забыть свои трудовые навыки, поднялась удивительно быстро. Уже через 2 года прилавки были полны доброкачественным продовольствием и товарами легкой промышленности.

В годы расцветающего НЭПа ушел из жизни вождь мирового пролетариата Ленин. Выпавшее из его рук знамя мировой революции подхватил Сталин. Он сам сделал себя наследником и правопреемником Ленина в партии и стране. Но у него были свои, отличные от ленинских, планы. Ленин был абсолютным авторитетом в партии, и власть, ради которой он был готов на любое насилие, нужна была его партии, его идеям. Сталину нужна была абсолютная ЛИЧНАЯ власть. Эта идея вызрела в нем еще при жизни Ленина, еще при жизни Ленина он строил планы и готовил почву для ее захвата.

Несмотря на рекомендации Ленина в его «Завещании», Сталин остался в должности Генерального секретаря партии, которую еще при жизни Ленина превратил из секретарской, абсолютно бумажной, в должность Первого лица партии. Теперь ему необходимо было в ней удержаться. В ленинской гвардии это было невозможно: в ленинском окружении он никогда не был ни значимым, ни уважаемым лицом.

Ситуация подыграла ему. Так называемый «ленинский призыв», им же организованный, влил в ряды партии сотни тысяч новых членов, основную массу которых составлял люмпен-пролетариат. 24 тысячи ленинской гвардии растворились в этой массе, оказались малой ее частицей. Новая партийная масса была далека от марксизма, даже марксизма-ленинизма, традиций революционной борьбы, партийных дискуссий – она была разгоряченной насилием, возбужденной, радикально настроенной, укрепившейся в разбое гражданской войны в сознании своей общественной значимости.

Вторым моментом, подыгравшим Сталину, был НЭП. НЭП разбудил инициативу активных и умелых, и равенство в нищете, к которому привела разруха Гражданской войны, сравнявшая всех: зажиточных и бедных, трудолюбивых и лодырей, квалифицированных и неумелых – ушло. Общество снова расслоилось в городе и деревне, и несколько угасшее «классовое чувство» разгорелось в люмпене с новым боевым настроем.

Сталину предстояло решить очень непростые экономические и политические проблемы.

Экономически он не мог справиться с проблемами, возникшими в процессе развития НЭПа. Экономические знания, экономический анализ, экономические механизмы воздействия были ему недоступны. Единственные методы, которыми он владел и которые «успешно»

использовал во все годы своего правления, были методы – не принуждения, а грубого беспощадного насилия.

«Буржуазность» – это права, это инициатива, это активность – то, что было для него ненавистно, опасно, недопустимо, неприемлемо в обществе: в партии, в экономике (в промышленности и сельском хозяйстве), в науке, в искусстве – во всех видах общественной деятельности.

Люмпен, который теперь составлял подавляющее большинство правящей партии, понимал справедливость исключительно как равенство, а равенство не бывает естественным – это всегда подавление, всегда насилие. Уравниловка – справедливость черни и основа спокойствия тиранического нищего государства.

И Сталин начал свою игру, одновременно – последовательно решая прежде всего вопросы укрепления своей личной власти, «нового партийного строительства» и строительства «социализма».

Следует, пожалуй, сразу оговориться, что большевистская шизофрения на первом этапе своего существования шумно проявлялась как бред о всемирном счастье, светлом будущем человечества, которое возможно лишь на обломках старого мира, после полного его уничтожения.

Однако после Октябрьского переворота идея о БЛАГОДЕНСТВИИ НАРОДА, собственного, не говоря уж о всеобщем счастье, навсегда ушла за горизонт. Всепоглощающими стали две другие бредовые идеи – власти и мировой революции.

Сталин создал экономику, основанную на философии нищеты. Поэтому выхода из нищеты не было и не могло быть. Это подкреплялось идеологией перманентной войны с «врагом», внутренним и внешним. Может быть, идея власти над миром исключает (по принципу дополнительности) идею о человеческом благе...

Хитроумно, вероломно, подло Сталин шел к своей цели. Он одновременно проводил в партии чистки, подготавливая ее уничтожение, строил пятилетние планы и осуществлял индустриализацию; боролся с кулачеством, уничтожая крестьянство, устраивал голодомор; тихо проводил единичные и массовые расстрелы, пробные показательные суды, «развивал» марксистско-ленинскую теорию и переписывал историю партии.

Грубое насилие над страной вызывало протесты старых ленинцев. Это было то, что нужно было Сталину для их уничтожения. Он изматывал их чистками, исключениями и восстановлением, ссылками и возвращениями, покаяниями, саморазоблачениями и самооплевываниями. Они теряли авторитет в партии, уверенность в своей правоте и силах, и этому чрезвычайно помогал «партийный оркестр», которым мастерски научился дирижировать Сталин.

Когда основным действующим фактором является «масса», мнение большинства является символом правоты (но «массой» правят лидеры, вожди, фюреры).

Трагедия ленинской гвардии в значительной степени состоит в том, что они не дооценили значимости этих категорий – «большинства» и «меньшинства». Ленин очень хорошо понял это и благодаря этому выиграл (отсюда «большевики» и «меньшевики»).

Сталин, человек хитрый, зоркий, коварный и беспринципный, сыграл на этом свою игру.

В спорах и дискуссиях старые ленинцы отстаивали свои принципы. У них были свои принципы, понятия о чести – не очень твердые, не очень высокие, но были. – У Сталина не было ничего, кроме холодно-бешеной жажды власти. Он был груб, примитивен, садистски жесток, беспринципен. Его грубость, насмешки, надругательство над честью и достоинством оппонента стали нормой, борьба из идейной стала откровенно личностной.

Новая толпа выдвиженцев в партии не хотела ни в чем разбираться, и чем сложнее были дискуссии и красноречие представителей ленинской гвардии, тем более бурно воспринимала она оскорбительные, примитивные, топором рубленные высказывания Сталина, приветствуя его понятную им грубую волю и твердую руку.

Для этой темной, возбужденной и ожесточенной аудитории дискуссии были не просто неприемлемы, непонятны, но были оскорбительны, они раздражали, как атрибуты недобитого старого мира.

А они, старые ленинцы, теряли веру в себя. Они поднимали пролетарскую революцию. Теперь пролетариат их отвергал. Можно было от этого и заколебаться. К тому же все они были по природе своей политиками. Их борьба за массы была для них важнее борьбы за собственные убеждения. Они недоучли особенности российской темной массы и необходимости для нее не свободы и разума, а твердой руки, доступных, понятных лозунгов.

А Сталин зорко наблюдал, прислушивался, чутко улавливал тупую ярость толпы, легко ее разжигал и управлял ею. Он с холодной злобой и насмешкой терпеливо наблюдал, как перемалывала эта мясорубка тех, кто не умел управлять ею, как он. Он эту толпу пестовал, воспитывал, прислушивался к ней и играл на ней – он был дирижером этого «оркестра», и лозунги ленинцев тонули в этой «музыке».

Грубость Сталина невероятна и несовместима с дискуссией вообще. Он чрезвычайно точно учитывал психологию аудитории, подыгрывал ей, разжигал в ней низменное, злобное; унижал, втаптывая в грязь все, что выше ее понимания.

Но ленинцы тоже были поражены язвой «большинства», они морально сломались, оказавшись в «меньшинстве», потеряли поддержку и понимание «большинства», и потом они бросили на растерзание «большинству» и свои принципы, и свою честь, и свою гордость. Но это не могло помочь. Сталинская машина счавкала их под улюлюканье толпы.

Сталин готовил почву для установления самодержавной диктаторской власти. Казалось бы, это был не самый подходящий момент – тот самый, когда огромный народ бурно восстал против самодержавия, против своей многовековой несвободы в надежде на светлое будущее и победил, когда он был полон воли, сил и энтузиазма бороться за него и строить его. Но именно этот момент был более, чем какой-либо другой, удобен для обратной трансформации, именно в этом мутном бурлении можно было поставить все с ног на голову (как, вероятно, провернуть в любом другом направлении).

И главным сталинским рычагом, главной точкой опоры были огромные «придонные» российские слои – люмпен-масса. Революционные потрясения эти слои взбаламутили, возбудили, вынесли на поверхность. Они были объявлены «солью земли», вооружены разрушительными лозунгами и в большевистской революции стали самой значимой и действенной силой. Сталин оседлал этого разгоряченного коня, сделал его послушным, нашел в нем точку опоры. Возможно этим в значительной степени объясняется кровавый «успех» его продолжительного царствования, а возможно, и его «бессмертие».

Однако скакать на этом горячем коне и безнаказанно рубить головы вождам только что победившей революции, соратникам великого Ленина, недавно умершего почти полубога, в безыдейном пространстве было опасно и бесперспективно. И идея была найдена: «внутренний враг», «обострение классовой борьбы по мере строительства социализма». Сталин переписал историю партии, переделал, ревизовал, выхолостил до абсолютного примитива ленинизм, превратив его в действующий сталинизм.

Мясорубка получила идейную опору. Здесь в фундамент нового государства закладывается один из его краеугольных камней – Ложь. Ложь возможна только в тиранических государствах, при исключительном праве тоталитарной власти на информацию. (Однако ныне, в 21-ом веке, когда не пишутся, а печатаются эти строки, мы узнали, что так называемые «демократические» страны, похваляющиеся своей ВЕЛИКОЙ ДЕМОКРАТИЕЙ, которую они насильно и разрушительно вывозят и насаждают в мире, могут безнаказанно, цинично, несокрушимо сеять любую ложь, лить реки крови, удушая «денежным мешком» не только средства информации, но и целые страны и континенты. Тут тот же тоталитаризм, но властвует не Личность, а Деньги, Золотой Телец – оружие Дьявола. А результаты вывоза демократии в страны Север-

ной Африки, Ближнего Востока и на Украину Соединенными Штатами позволяют предполагать, что никто и не собирался устанавливать там демократические режимы: флагом «демократии» прикрывались совершенно иные цели...)

Ложью пользуются прежде всего «сорняки», а они прорастают быстро, дают глубокие корни и почти не поддаются выкорчевыванию.

Сталинская история была ложью (естественно, очевидцы перевранных событий должны были быть уничтожены). Сталинское учение об обострении классовой борьбы было ложью. Однако его книгу расхватывали, проглатывали (примитивный язык проглатывался легко), изучали, цитировали, по ней отмеряли ход времени и событий.

Обвинения соратников Ленина были ложью. Но они были казнены. Он заставил их на показательных процессах, которые он провел по своим сценариям, прилюдно «сознаться» в преступлениях, которые они не совершали.

Сталин уничтожил все, что могло играть какую бы то ни было общественную роль, очистил общество от остатков мысли и гражданской смелости, активизировав, наоборот, все темное, низменное, лежковерное и озлобленное.

Только постигнув эту страшную истину, можно понять, как через 20 лет после свершения революции, можно было объявить ее вождям (живым), посвятившим жизнь делу революции, прошедшим тюрьмы, ссылки, каторги, эмиграцию ради этой победы, иностранными шпионами, диверсантами, врагами народа и зверски, позорно, под улюлюканье толпы, которую еще вчера они вели к этой победе, расправиться с ними.

Элементарные мыслительные способности, самый поверхностный анализ, показали бы, что это абсурд. Но рассудок не участвовал в этом судилище тупой раъяренной, загипнотизированной толпы. Кто понимал, обреченно молчал... Сработал особый САТАНИНСКИЙ «талант» Сталина.

После того, как в своей вражеской деятельности «признались» вожди революции, соратники Ленина, можно было уничтожить всю ленинскую гвардию.

Это уже масштабная операция, и на помощь Лжи пришла ее верная подруга – Тайна. Старые большевики уничтожались бесшумно.

После 17-го Съезда партии, съезда победителей, или, как говорит Эдвард Радзинский, съезда Победителя – съезда, который пел Сталину неслыханную аллилуйю, но тайно проголодовал за его смещение, он понял, что с этой партией ему не справиться. И он уничтожил ее практически всю. И создал новую, СВОЮ, послушную, надежную партию «кнуа и пряника». Вместе с партией он уничтожил весь актив общества. Потом уничтожил армию. Это уже все описано ранее.

Всякая замкнутая система вырабатывает механизмы своей устойчивости. Однако, если она не разрывает, а замыкает свой патологический круг, она рано или поздно рухнет.

Свой кровавый путь Сталин начал с уничтожения ленинской гвардии – пока ленинцы были в составе партии, он не мог надежно утвердиться в кресле единоличного правителя. Но логика его самоутверждения вела его ко все более масштабным преступлениям, и не только кровожадность вела его этим путем. Он не справлялся с задачами социалистического строительства. Ему чужд был подход продуманный, научный, постепенный. Будучи примитивным и грубым, он вообще считал рукоприкладство более действенным, чем приложение ума. Он всегда шел напролом. Все решалось грубой силой, круто и кроваво. Расправа с частным сектором в городе, насильственная коллективизация деревни, непродуманные планы индустриализации породили сумятицу, разброд, бедствия и недовольство в стране и недовольство в партии.

Нужно было найти «козла отпущения», на которого можно было бы свалить вину за собственные просчеты и ошибки, и Сталин нашел нового «классового врага». В партии это были оппозиционеры, в городе – техническая интеллигенция. Уничтожить техническую интеллигенцию было особенно приятно, так как именно она более других понимала безграмотность

и разрушительность очередных экономических «преобразований», именно от нее прежде всего могла исходить критика в адрес Непогрешимого. За технической интеллигенцией (вместе с партийными руководителями) пошли гуманитарии, ученые, деятели культуры – весь цвет и актив страны. (Десятилетия спустя Молотов скажет: «Они ВСЕ (интеллигенты) СИДЕЛИ, потому что они все были ПРОТИВ НАС (!!!)». Они понимали, что интеллигенция НЕ МОЖЕТ быть с ними, честная интеллигенция. Ее нужно было уничтожить. НЕОБХОДИМЫХ – запугать и (или) «приручить».)

Он крепил сук, на котором сидел, и под корень рубил дерево.

Сталинщина породила неведомые зверства. Даже жестокое Средневековье при сопоставлении масштабов – младенец, по сравнению с матерой сталинщиной.

Старая каторга: галеры, карьеры, рудники – не ведали того, чем долгие десятилетия жили наши тюрьмы и колонии, лагеря, КПЗ, наша армия, наша мафия.

Какую же бешеную ненависть надо было разжечь в народе к ближнему своему, чтобы зарывали живьем, выбрасывали голых детишек из изб на снег, творили «чудеса» мерзости и жестокости.

Сталин – Анти-Христ. Иисус Христос проповедовал милосердие, человеколюбие, всепрощение. Сталин проповедовал ненависть, жестокость, расправу. За Иисусом пошли народы, восприняли и развили его учение, но для этого потребовалась Его мученическая и полная тайны смерть и тысячелетия осмысления Его явления. А с головы этого Людоеда не упал ни один волос, и он заставил народы уничтожать своих собратьев, соотечественников и истинных братьев, отцов, детей, мужей.

Это не только секрет его злобной магии – это еще специфика момента, которую он учуял и на которой с завидным искусством сыграл.

Потенциал жестокости, как и потенциал таланта, есть в каждом народе. Злодейства творили китайцы, японцы, немцы, ливанцы, камбоджийцы и др. уже в наш просвещенный век. Нужны стимулы. Разобраться в этом – задача науки. Если она постигнет эти тайны, раскроет эти механизмы и схемы, она поможет управлять развитием общества не экономически, а психологически, не только через желудок, но и через духовную сферу.

Известно, что человек при жизни использует малую долю своих физических и духовных возможностей. Он может дышать 1/20 своих легких, у него можно удалить целое полушарие мозга, он может жить с одной почкой и т.д.. Духовные возможности используются несомненно в еще меньшей степени. Гипнотические эксперименты открывают иногда в человеке невообразимые способности.

Бурные эпохи в истории человечества характеризуются именно массовым извлечением из народных глубин мерзостей и талантов.

Были эпохи крестовых походов, длительных войн, жестокостей, разбоя и разрушения. Были эпохи бурного развития науки, культуры, искусств. При этом в разных странах в разные времена можно было отметить большой крен в сторону развития музыки или архитектуры, философии или живописи, хоть это вещи связанные, и они не развиваются изолированно.

Появление на свет вырожденков, подобных Сталину, Пол Поту, Гитлеру – не диво. Загадка – та черная волна, которая возносит их на гребень.

Салтыков-Щедрин описал портрет Сталина за несколько десятилетий до его рождения. А Корней Чуковский в смешной детской сказке «Тараканище» дал портрет тирана и дух его эпохи до «его» воцарения. По-видимому, это создание природы и обстоятельства, его порождающие, имеют свою внутреннюю логику, которая позволяет эти явления провидеть и описывать.

В сталинской «кухне» люмпен: деревенская неумелая беднота, развращенная и разгоряченная кровью и разбоем войны и революции; матросня и солдатня, обозленные слуги, люмпен-пролетариат – они будут оплевывать оппозиционеров на партийных съездах в угоду

более напористому и примитивному. Из них будут формироваться военные отряды и комбеды, которые будут отнимать у крестьян хлеб и раскулачивать. Наиболее активные из них выйдут в партийные руководители. Они вытеснят остатки комиссаров старой гвардии, которая уйдет в тюрьмы и под расстрелы. Но и они претерпят несколько экстракций, пока наверх не всплывут самые придонные слои – доносчиков, предателей, корыстолюбцев и подхалимов. Они прочно займут свои ячейки в сталинской железной сети, которой он опутает всю страну и прочность которой он будет поддерживать «кнутом и пряником», но «кнутом» железным и окровавленным, а «пряником», становившимся все более румяным и пухлым. (Сталин приказал Кагановичу карать тех, кто будет отказываться от партийных привилегий (!) – такие «принципиальные личности» ему в партии, как и в обществе, не были нужны (были потенциально опасны).

Вот как описывает некоторые особенности этого «пряника» Э. Радзинский в своей книге «Сталин»:

«Под Москвой на огромных участках земли возводятся роскошные правительственные дачи со штатом охраны. На них трудятся садовники, повара, горничные, специальные врачи, медсестры – всего до полусотни человек прислуги – и все за счет государства. Персональные спецпоезда, персональные самолеты, персональные яхты, множество автомобилей, обслуживающих руководителей и членов их семей. Они практически бесплатно получают все продукты питания и все предметы потребления. Для обеспечения такого уровня жизни в Америке нужно быть мультимиллионером», – печально писал деятель Коминтерна Е. Варга.» [162].

Не обольщайтесь! В этой новой партии, созданной Сталиным под себя, в партии, строящей коммунизм, не было и намека на равенство. Там действовала жесткая «табель о рангах». Кто-то получал шикарный дачный дом на огромном участке, кто-то комнату в госдаче, тоже расположенной в специальном правительственном поселке, в прекрасном месте, недоступном для простых смертных, (огороженном и охраняемом), но все же – только комнату или комнаты. Одни получали коньяк «КВ», другие – трехзвездочный армянский коньяк (тоже неплохо!) И так во всем. Это разделяло партию, порождало зависть и злобу, что тоже было на руку Кукловоду – он «разделял и властвовал»... (Номенклатура получала специальные жирные пайки», а миллионы эков, бывшие члены партии, которых он загнал в мясорубку ГУЛАГа, получали не совместимые с жизнью «пайки».)

В большом и малом – он создавал в своем хозяйстве (его ведь уже в 20-е годы в партии называли «Хозяин») – все под себя...

Он окружил себя неучами, недоучками, подонками. Из докладной записки Г. Маленкова: «Среди секретарей обкомов низшее образование имеют 70%, среди секретарей райкомов – 80%.» [163]. В его Политбюро Г. Маленков был единственный человек с высшим образованием.

Телевидение дало нам в документальном фильме «Я служил в охране Сталина» живой портрет сталинского охранника. Для Сталина, которого постоянно преследовал всепоглощающий, непреходящий, мучительный страх, вопрос охраны был первостепенной, чрезвычайной важности. И вот перед нами предстал его верный страж. Это не просто люмпен, это дебил, почти медицинский. Его лицо уродливо его душевным убожеством. Как это символично. Этот палач и убийца целых народов не мог рассчитывать на верность нормального человека (да таковых и не было в его банде вообще) – только дебил мог быть верным псом. И вот он – истинно Верный Руслан, уродливый, примитивный, отвратительно верный...

А вот портрет другого пса, но совсем другого ранга. Ежов (по кн. Э. Р. «Сталин»), которого Сталин поставил во главе НКВД, который, исполняя волю Сталина, уничтожил в Большом Терроре 1937 – 1938 годов партию, интеллигенцию, почти весь актив страны, – маленький, ничтожный, неграмотный (с незаконченным начальным образованием). Удивительно, а может быть, закономерно, но эти ничтожества, неспособные в учебе, закомплексованные, незамет-

ные в нормальной жизни, очень часто оказывались весьма активны и изобретательны в злодействах...

Ежов увеличил вчетверо оклады в НКВД, и штат сего ведомства был многократно увеличен. Они расправили плечи, почувствовали свою высокую значимость. Они были самые высокооплачиваемые люди в стране. (Палачи, которым предстояло уничтожить все лучшее в стране, все ее верхние слои, весь актив – фактически уничтожить страну – добить!) И они, закатав рукава, принялись за дело. Они пронизали соглядатаями, шпионами, доносчиками (сексотами) все общество, от Академии Наук до сапожных мастерских и детских ясель: в среднем 1 сексот на 3 – 5 человек – с перекрестной слежкой. И они свое дело сделали: миллионы ушли в мир иной сразу или через ГУЛАГ. А Ежов под конец сам сошел с ума и был уничтожен – не известно, как: просто исчез...

А вот еще весьма яркая и значимая личность – Лаврентий Берия! Он дольше других удержался на этом, самом важном для Сталина и при Сталине посту – до самого последнего дня Хозяина. По слухам, он тоже должен был быть ликвидирован вместе со всем составом Политбюро (Сталин на пенсии не отправлял столь ответственных и «информированных» людей), но, похоже, Берия вовремя сориентировался и опередил Сталина.

(За рубежом давно прошел фильм «Лаврентий Берия» по сценарию Антонова —Овсеенко. Вряд ли нам его когда-нибудь покажут...)

Лаврентий Берия родился в нищенской кухоньке – в Москве он занимал дворец князя Голицына. Из окон дома на противоположной стороне улицы (Качалова) жерла нескольких пушек были круглосуточно направлены на ограду сада, окружавшего дворец. Этот дом окутан легендами Синей Бороды. Он изувечил тела и души сотен женщин, девушек, девочек... Рядом со спальней преступного сластолюбца была ванная. Говорят, рядом с ней – вторая. В ней ванна не с водой, а с кислотой. В ней он уничтожал свою жертву и спускал в специальный люк канализации... (Из ТВ-передачи). Может быть, Берия был просто сексуальный маньяк и уголовник? – Нет, он был масштабной фигурой!

В течение многих лет он руководил сталинской мясорубкой, огромной рабовладельческой империей ГУЛАГ, строившей «коммунизм».

Постановщик фильма «Лаврентий Берия» посетила в Сибири заброшенные бериевские лагеря, построенные по его проекту, строго и продуманно. (Хочется сравнить с книгой «Смерть – мое ремесло», французского автора, фамилию не помню). В этих лагерях она обнаружила очень странные бараки, с очень странными, почти половинными нарами. – Это были бараки для заключенных детей... В этих бараках слышались стоны... Быть может, страшные злодеяния, действительно, заставляют души умерших бродить и плакать над местами преступлений, призывая к отмщению?!

(В выступлениях в зале суда над А. Адамовичем по иску Шеховцова назывались страшные цифры, миллионы, (точные цифры не известны) убиенных и замученных детей, которых пытали, как взрослых, и расстреливали).

Берия, по приказу Сталина, создавал в начале ВОВ лагерь особо строгого режима для офицеров, бежавших из окружения и из плена. В этой системе лагерей впервые в истории советской тюремной системы была создана каторга. О каторге ходят только темные страшные слухи, так как выживших там не было, а надсмотрщики (вероятнее всего, их тоже уничтожали) не посмели бы и не сумели бы это описать.

Берия «руководил» (надзирал!) лагерями, «шарашками» и закрытыми институтами, где создавалась советская атомная бомба. Именно для этих исследований офицеры-каторжанники кочергами и совками, почти руками добывали урановую руду. Через 2 – 3 недели их отправляли на свалку умирать...

В качестве мелких экзотических «развлечений» Берия мог выкалывать глаза актерам и протыкать барабанные перепонки музыкантам...

Когда после смерти Сталина его соратники срочно (с помощью Жукова) его уничтожили, в его архиве они обнаружили компромат на всех членов ЦК (кроме Сталина). – 11 мешков страшных бумаг, которые они сожгли так же поспешно, как уничтожили самого их автора, – таков был страх перед ним, даже мертвым. (А в архивах Ежова нашли компромат на «самого» Сталина!).

Это отдельные штрихи к портрету одного из ближайших сталинских сподвижников...

«Его» (Сталина) ближайшие соратники, его Политбюро – это были его рабы. Они не могли ничего сделать, не могли протестовать, не могли шевельнуться, даже когда он арестовывал их жен. Ценой любого протеста была жизнь. Они согласились на эту роль. Истинный оскал этого чудовища раскрывался во времени, но с самого начала быть соучастником избияния «оппозиции», потом крестьянства, потом партийных вождей было подлостью и преступлением, но именно в этой мутной, все более кровавой и подлой игре они и окружили его, стали его «соратниками», «подельниками», а рядом с ним необходимо было проявлять активность и энтузиазм. И они проявляли и входили во вкус. Чего в них было больше: ненависти к нему, страха или обожания?! Наверное, это была смесь, удушливая и зловонная...

Идея социализма по сути своей – это идея человеколюбия, гуманизма. Это желание исключить из жизни людей несправедливость и избавить от бедствий тех, кого обошла фортуна.

Сталин был лишен человеколюбия. Идею социализма ему подбросило собственное низкое происхождение и неприятие собственной социальной ущемленности. Дальнейшее определила история. На этой идее он влился в революционную борьбу. Это стало его профессией. Борьба была его стихией: запах крови, вкус победы, хруст костей, схватка честолюбий, власть...

Вряд ли когда-либо он связывал идею того социализма, который он строил, с истинным благодеянием человека. Этого «коня» ему подбросила история. Он оседлал его, как кавказец, и победно въехал на нем на вершину власти, по пути изрубив шашкой все, что было ему «нелицеприятно». (Он уничтожал под лозунгом: «Незаменимых нет!» – Действительно, в том народе, который он создал незаменимых остался минимум).

Утвердившись на вершине власти, он создал СВОЮ команду (или, вернее, банду), СВОЙ аппарат, СВОИ рычаги управления и стал создавать СВОЙ народ, удобный и безопасный для него. И начал строить СВОЙ социализм.

Это был СТАЛИНСКИЙ социализм. Вынесем за скобки фундаментальные его особенности: кровавое насилие, нищету, ложь и страх. На этом фундаменте он:

1). Восстановил крепостное право; именно в 1932 году, когда он создал колхозы и разбитые остатки крестьян стали массами бежать в город, он ввел прописку и отобрал у крестьян паспорта. (Прописка оказалась весьма уместной в государстве массовых репрессий и тотальной слежки.)

Крепостное право было злом, многое определившим в российской истории, но крестьянство существовало, кормило Россию и не только ее. Сталинское крепостное право уничтожило коллективизированное крестьянство: оно спилось, выродилось, практически перестало существовать. Особенно беспощадно было выбито испокон веков вольное, зажиточное российское казачество. (зато он очень любил смотреть и пересматривать фальшивую сказку о красивой колхозной казачьей жизни «Кубанские казаки» ...) Все это гордо называлось коллективизацией сельского хозяйства – иначе, строительством социализма на селе...

2) Он ввел рабство. Он разделил страну на две зоны: Большую (Б.) и Малую (М.), разделенные колючей проволокой. В М. зоне, в хозяйстве ГУЛАГа, бесплатной рабочей силой стали рабы-смертники – все те, кого он уничтожал. Там цвет общества: интеллигенция, военспецы, духовенство, умелые крестьяне – киркой и лопатой в нежилых местах строили социализм, ложась костями в сибирскую мерзлоту. Через ГУЛАГ прошли многие миллионы рабов.

3) Он возродил древний обычай «побивания камнями» в новых формах.

Любой арест или навет, – а этому подвергались прежде всего люди видные, талантливые, заслуженные, уважаемые, – вызывали мгновенный бурный поток постыдных специально организованных собраний, на которых каждый старался (должен был!) сказать в адрес обвиняемого слова погадостнее, бросить во вчерашнего уважаемого человека «камень» потяжелее; ядовитейшую травлю в печати, когда в официальных печатных органах статьи кишели такими злобными ругательными терминами, которые почти не употребляются в жизни и в литературе, и каждый спешил бросить свой камень в побиваемого. (Это позорище стало обычаем советской общественной жизни, в масштабах широких и узких). Молчание, неучастие – высший подвиг чести, на который (с дулом у виска) решались немногие. Зато люмпен, серость, которым ничто не грозило и которые испытывают сущностную неприязнь, ненависть ко всему яркому, сложному, непонятному, входили иногда в злобе и хуле в азарт и раж, чувствуя свою силу, волю и власть.

4) Он расколол российскую соборность. В нормальном обществе в трудные времена люди объединяются: так легче переносить тяготы жизни. (Сталин знал силу разобщения!)

В обществе, где подглядывали, подслушивали, доносили, где тех, кто подвергся репрессиям, чурались, как чумных, не могло быть взаимопомощи, поддержки, общения.

Бдительность, сексотство еще более омерзительны и разрушительны, чем страх. Разобщение как механизм сыграло огромную роль в победе сталинизма. Оно в числе главных, наряду с бескультурьем революции: ее «масс» и ее вождей (без интеллигенции).

5) Религию он заменил идолопоклонством.

6) Он объявил гегемоном общества и истории пролетариат. В действительности, гегемоном была партия, и даже не партия, а ее Хозяин.

7) В обществе равенства в нищете он создал тайное «зазаборное» неравенство, гораздо более глубокое, чем в капиталистических странах.

Однако общество, страна, держава – военная держава должна была существовать. Державе необходимы были математики, физики, конструкторы, инженеры – необходимо было оружие. (Идея мировой революции никогда не покидала его). Все это в том необходимом минимуме, который он вынужденно мог терпеть, было загнано в лаборатории —тюрьмы, «шарашки», закрытые институты и города и существовало под неусыпным контролем «Органов».

Он искалечил народ. Не только геноцидом, но насилием, привычным всеохватывающим страхом, соглядатайством, разобщением и расплзшимся по этому изувеченному телу, как проказа, алкоголизмом. (Революция, Ленин, сталинщина – сатаниада! Во что был превращен народ? Это не «шариковщина» – это сатаниада! Это не Пол Пот – там небольшая банда уничтожала народ «ломом». Сталин заставил ВСЬ народ участвовать в самоуничтожении: одни пытали, охраняли, расстреливали; вторые подглядывали, подслушивали, доносили; третьи визжали на собраниях: «Уничтожать, как бешеных собак!»; четвертые в ужасе молчали; пятые стрелялись; шестые пели песни, весело шагая в коммунизм: седьмые выполняли невыполнимые планы, затыкали дыры и провалы в больной экономике, надрывая силы и сердца; «М. Зона» вымирала; «Б. Зона» надрывно выживала; народ нищенствовал; «верхи» жировали, и так, дружно самоуничтожаясь, шагали, кто куда, и все вместе к миражу «на горизонте», хором славя Великого и Мудрого Отца народов.)

Новые поколения Сталин растил под себя в удушающем идолопоклонстве.

Ну, а общество?! Как оно существовало? – Сталин был не только сценаристом, дирижером – он был и дрессировщиком.

Опытный дрессировщик никогда не дает животным расслабиться. Дрессировщик тигров ставит их на шары, и они постоянно заняты необходимостью сохранять равновесие, чтобы, пока он работает с одним из них, другие его не сожрали.

Советский народ был постоянно измотан бедностью, дефицитами, неустроенностью быта, плохим транспортом, очередями, невыполнимыми производственными планами, постоянным напряжением в обществе. Задумываться, протестовать не было ни времени, ни сил. Только бы выжить. И государство сохраняло эти условия «стабильности».

Хочется привести некоторые показательные цифры. Вот вывоз хлеба за рубеж из голодной страны: «... из урожая 1928 года вывезено за границу менее 1 миллиона центнеров зерна, в 1929 – 13, в 1930 – 48,3, в 1931 – 51,8, в 1932 – 18,1 миллиона центнеров. Даже в самом голодном 1933 году в Западную Европу было вывезено около 10 миллионов центнеров зерна.» [164]. – В этих цифрах все: механизмы коллективизации, цена индустриализации и отношение к народу.

Но была еще удивительная российская интеллигенция. Она понесла страшные потери, бо́льшие, чем крестьянство. Она должна была погибнуть. Но дух, даже придушенный, сильнее плоти. И она выживала. Именно она держала лечебное дело в нищенских наших условиях – сохраняла честь и достоинство, дух российского земства в нищете. Держала наше образование: школьное оставалось, несмотря на все прессы и цензуру, одним из лучших в мире. Высшее было ущербным: с изгнанной кибернетикой, генетикой, извращенной биологией, экономикой, историей, философией, правом, филологией и прочим. Но математика и физика были нужны, и математическая и физическая школы у нас были одними из лучших в мире. И именно там, где пресс был меньше, зарождались очаги свободомыслия. Но сексоты бдили...

И еще была неистребимая наша Культура, которая прорастала сквозь асфальт...

Интеллигенция, по определению, была «прослойкой» («гнилой») между классами. То есть, официально принципиально не уважаемой частью общества. Она была необходима государству, но очень опасна для такой власти. Поэтому она всегда была ущемлена. Она получала самые низкие зарплаты, она не имела никаких льгот, в условиях дефицитов все получала по минимуму и в последнюю очередь. Льготы и блага получали лишь те представители интеллигенции, которые не просто доказали свою лояльность по отношению к властям, но ярко, громко, во всеуслышание прославляли советскую власть (прежде всего, конечно, Отца народов, Горного Орла, Великого и Мудрого). Эти получали льготы, пайки, дачи – у них был свой «пухлый пряник», и, конечно, все они были членами партии и входили в номенклатурную сеть.

А истинная интеллигенция мучительно искала и нередко находила способы во тьме и удушьи не погасить, сохранить, пронести через крошечные времена «свечу» «разумного, доброго, вечного».

Неприязнь, ненависть, недоверие к интеллигенции у большевиков идет еще от ленинских времен, но для Сталина она была просто опасна. Но когда он вытравил ее до кадрового голода и «кадры стали решать все», тяжесть репрессий накрыла и без того уже обескровленную деревню и городские низы, ибо империя ГУЛАГ требовала постоянного притока новых рабов. Общество было опутано густой сетью наказаний, в которую почти невозможно было попасть: за «колоски», за любое опоздание, за невыход на работу, за поломку станка, за мелкую кражу и просто ни за что люди уходили в ГУЛАГ на долгие годы. В деревнях почти каждый второй мужик сидел, а в некоторых деревнях – все прошли через тюрьму. Когда почти не осталось интеллигентов, кроме абсолютно необходимых, в ГУЛАГ потекли бытовики. Но это было недолго: война подбросила новые миллионы «виновных».

Такое насилие над обществом возможно только в условиях всепоглощающего Страх и Лжи. Загнав общество в смертельный страх, он сам стал рабом своего страха. Поэтому все вокруг него должны были дрожать. Ежеминутно, ежесекундно они должны были помнить, что их жизнь, жизнь их детей, их родных и близких в его руках. Он постоянно подтверждал это. И в страхе жили не только беспомощные актеры и ученые, в страхе жили силовики: маршалы, командармы, члены структур НКВД, палачи. Сам Вышинский до самой смерти Хозяина ежеминутно ждал своего ареста.

Сталин любил «попугивать». Чего ждать от народа, у которого все правители запуганы до полусмерти, у которых ни семьи, ни они не гарантированы от ареста и уничтожения. Они были вместе с ним в крови народа и соратников. И в постоянном смертельном страхе перед ним. Какой «букет» правителей! Какой «венок» народа! Венец народа – кровавый, смертельный!

Ни живописи, ни перу, ни даже музыке не под силу передать, что есть СТРАХ. Атмосфера страха, в котором живет не человек, а общество. Стук в дверь, телефонный звонок, стук парадной двери, шаги на лестнице, шорох автомобильных шин, косой взгляд соседа или сослуживца – все пытка. Звонок в дверь ночью – это приговор. Шаги ночью на лестнице могли вызвать инфаркт... Исчезающие люди. Опечатанные двери. Погасшие окна. Люди уничтожают фотографии, письма, книги, документы.

Пытка ложью, злобой собраний, митингами, криками: «Смерть „предателям“, „двурушникам“, „шпионам“!»! – невозможно кричать, нельзя молчать. Ложь, предательство, разрушение души, нравственности, родственных и дружеских связей – всего, что дорого, свято, чем жили, чем дорожили.

Молчание – тоже ложь, ибо это непротивление Злу, но и оно не спасает.

Сжавшиеся люди. Разнужданные, самоуверенные соглядатаи – бдительные прихвостни и пособники палачей. Извращенная суть вещей – анти-мир.

Оставаться человеком: не предавать, не лгать – это высокий героизм, почти не совместимый с жизнью. До поры-до времени – до ареста можно было не предавать, но не лгать было практически невозможно, ибо жизнь состояла из лжи: лозунги, производственные планы, газеты, радио, собрания – все было пронизано Ложью. Попытаться этому противостоять – подписать себе смертный приговор, не выиграв для истины ни грана правды.

Страшное ожидание звонка в дверь... Как —будто ожидание самой Смерти. – Но, нет – не смерти, гораздо хуже...

Когда солдат поднимают из окопов в атаку, они тоже знают, что фактически идут на смерть, но там есть надежда, там нет позора и унижений. Смерть – это мгновение, даже ранение – это тоже муки и надежда.

Здесь ждут не смерти. Здесь ждут посланцев Ада, которые повлекут в Ад. Но и ад не знает такой мрази, которая сразу превращает человека в ничто, в грязь – на глазах родителей, жен, детей. Мерзко переворачивая вверх дном весь дом, топчет сапогами ценные для человека вещи: рукописи, письма, фотографии. И нет никакой защиты – НИКАКОЙ! Полное бессилие, полная безнадежность, безысходность... Какие-то понятия, дворники, соседи... А дальше – погружение в ад... Смерть – избавление.

От этого люди вешались, стрелялись, сходили с ума.

Так ли уж безропотно ложилась безвинная Россия под сталинский топор?! – Нет, не безропотно. Но он ее переиграл своим хитроумием и жестокостью.

Чтобы сломить крестьянство, мало было раскулачивания, расстрелов, выселений, переселений – пришлось устроить голодомор. (Когда в 1932 году Сталин ехал на отдых через голодающие края Украины, Приазовья и Северного Кавказа, один из его приближенных сказал Сталину, что у страны достаточно валюты, чтобы закупить хлеб и спасти погибающее крестьянство. На что Сталин ответил: «Пускай падыхают. Аны сабатыруют.»). Он не признавал за ними прав на собственную волю, на самозащиту. Право было только у него. Его волю «аны сабатыровали» «Аны» должны были «падыхать».

«Аны падохли». Он победил, но знаменитое трудовое российское крестьянство – кормилец страны и Европы перестало существовать.

С партией у него хлопот было больше. Долгие годы он проводил «чистки», наступал, отступал, боролся с ней явно и тайно, изматывал, разлагал. Партия «прогибалась», но внутренне сопротивлялась.

После 17-го Съезда партии он понял: ему не сломить сопротивление в этой партии – ее надо уничтожить. И уничтожил! Для этого многократно усилил свою «железную руку» – НКВД. Общество пронизал соглядатаями. И вместе с партией уничтожил весь актив общества.

С армией он не стал «шутить» и медлить. В одночасье он ее обезглавил ПОЛНОСТЬЮ: он расстрелял сорок тысяч офицеров. Высший комсостав уничтожал сразу после арестов – в первые несколько суток. Боясь протестов и волнений в армии, он ее расформировал и разоружил. За это советский народ заплатил цену непомерную в ВОВ.

Он все переделывал через УНИЧТОЖЕНИЕ.

Если бы не было сопротивления, если бы он его не предчувствовал, не страшился, он не залил бы Россию такой великой кровью. Но, если бы он не залил ее кровью, он на своем троне не усидел бы...

Но даже самым страшным насилием и самой большой кровью трудно укрепиться на узурпированном троне прочно, надолго. Нужны дополнительные механизмы «крепления». И он их нашел. Он понял: вколоченное поклонение, идолопоклонство иногда сильнее даже животного страха. Он был хитроумен и прозорлив. Дух идолопоклонства он создавал и укреплял одновременно с укреплением своей власти. Сразу после смерти Ленина он начал создавать из него икону, предмет поклонения, но при этом он делал себя правопреемником его места и значения в партии, постепенно усиливая этот дух. Уже через полтора года после смерти Ленина 15-й Съезд партии приветствовал его такими овациями и криками, которые при Ленине были невозможны. А с 1929 года – года его пятидесятилетия (5 лет спустя после смерти Ленина) начинается психоз поклонения, который крепчал и нагнетался до последнего его дня. Всякое его появление в залах, всякое его слово, обычно примитивное, сказанное с сильным акцентом, жест сопровождалось бурными аплодисментами, овациями, вставанием зала.

Легенды о тиранах творят рабы. Раб не возмущается властью тирана над ним, не тяготится ею, воспринимает ее, как закон, как миропорядок. (Он, в свою очередь, транслирует ее на того, кто ниже него). Жестокость тирана, его мракобесие, извращения, пороки воспринимаются, как норма. Ибо все в его власти, все – его воля. Но улыбка тирана, узурпатора и палача, его милость, проблеск чего-то человеческого вызывают удивление, благодарность, восторг, дают обильную пищу легендам, сладостным сказкам, сплетням и песням.

И способность тирана вникнуть в суть обсуждения, задавать здравые вопросы (которые зачастую доступны большинству здравомыслящих людей, может быть, даже умному подростку) воспринимались и восхвалялись, как Высшая Мудрость и государственное мышление.

Нелепо отрицать: Сталин всегда учился и учился хорошо. Но «гением» он был только в злодействах. Во всем остальном он оставался посредственностью, облеченной непомерной властью

(Бывает другое преклонение, другая благодарность человеческая – благодарность Гению. Гений открывает людям высоты и глубины – в духе, в науке, искусстве. Гений окрыляет человека, расширяет его возможности, делает его сильнее, чище, выше. Это восторг человека, который поднимается, расправляет крылья.

Перед тираном человек мельчает, сгибается – тирана славят раб...)

На Торжественном собрании метростроевцев, посвященном открытию Первой очереди Московского метрополитена, зал восторженно ревел, приветствуя Вождя, взрываясь овациями, здравицами в его честь, захлебываясь в избытке чувств от убогой его лапидарности и плоских шуток. Он поздравлял их и награждал. Вскоре он их всех уничтожил, ибо все они были воистину героями, выдержавшими каторжные условия этой стройки и нечеловеческое напряжение ударных сроков – результаты экономической безграмотности бандитского правительства.

В то самое время, когда Бухарин извивался в корчах, в нервно-истерических конвульсиях под нависшей над ним «железной рукой» его мучителя, Сталин принимал восторженные ова-

ции Чрезвычайного Восьмого Съезда Советов как творец Великой Конституции (написанной Бухариным!)

Вот выдержки из книги Эдварда Радзинского «Сталин» [165].

«Из письма рабочего Сукова: «Трудно описать, что делалось в Кремлевском зале. Все поднялись с мест и долго приветствовали Вождя. Товарищ Сталин, стоя на трибуне, поднял руку, требуя тишины. Он несколько раз пригласил нас садиться. Ничего не помогало. Мы запели «Интернационал», потом снова продолжалась овация. Товарищ Сталин обернулся к Президиуму, наверное, требуя установить порядок, вынул часы и показал их нам, но мы не признавали времени».

Наверное, 20-й век дал огромный материал для изучения психологии толпы, массовых психозов и истерий. Но когда в общий хор вливаются голоса людей, «наделенных умом и талантом», умеющих знать, видеть и слышать, анализировать и чувствовать, хочется понять, что же это за феномен. Тем более, что были люди, которые не поддавались, по крайней мере, внутренне, массовой пропаганде и истерии толпы.

Корней Чуковский, описывая в своем дневнике появление Сталина на Съезде комсомола в 1936 году, пишет о нежных, влюбленных, одухотворенных лицах, о счастье, которым они упивались с Б. Пастернаком (я уже приводила эту цитату).

Чуковский, Пастернак! Они скоро прозреют. Прозреют, когда начнется Большой Террор. Но это 1936 год. Уже прошла расправа над кулачеством, коллективизация, голодомор, многочисленные процессы – над технической интеллигенцией, над ближайшими ленинскими сподвижниками. Все это было чистое злодейство, ложь и насилие. Но газеты, радио, митинги кричали о врагах, о победах, правда не просачивалась в средства информации, о ней молчали, ее знали только причастные, которые, как правило, умолкали навсегда, даже если оставались живы. И даже светлые умы поддавались дурману. Они в значительной степени прозреют, когда мясорубка начнет засасывать их ближайшее окружение и их самих.

Можно списывать все на российскую темноту, рабство, соборность, византийство. В Китае, Корее – на восточную психологию. Но тот же психоз мы видим на фашистских шабашах, где женщины, восторженно визжа, протягивают Гитлеру – тоже выродку человеческому – руки и своих младенцев. И это в культурной стране Центральной Европы – стране философии, музыки, поэзии, науки, стране великой культуры, высших взлетов человеческого духа.

(Да, что говорить, в сей момент, когда печатаются эти строки, на дворе у нас год 2014-й. И что творят великие народы, которые гордо считают себя носителями демократии, свободы, гуманизма, культуры?!)

Сталин санкционировал, вдохновлял этот психоз, отслеживал его ход и руководил им, так же, как арестами, пытками, расстрелами. Уничтожать народ (направлять уничтожение) могло быть позволено только идолу, богу.

Его сподвижники и подхалимы, естественно, уловили его сладострастное отношение к восхвалению, лести, его завышенную самооценку и жажду ее подтверждения. Уловили и стали играть на этом, раздувая сладостный пожар в его душе, приучая партию и общество к восхвалению Вождя. Это началось с первых лет его воцарения и все годы его царствования горело и разгоралось, как солома. Более всех весьма умело раздувал этот пожар он сам.

Чем больше будет литься крови, тем громче будут славословия, гимны, марши, бой барабанов и грохот труб.

Он сам перепишет историю: успехи поверженных врагов он припишет себе, свои ошибки и поражения припишет им. Ворошилов напишет фальшивую историю Гражданской войны: победы Троцкого он припишет Сталину, замазав истинную неблагоприятную его роль.

Все газеты полны были славословий, стихотворений, портретов. И находилось время и место! Но, конечно, больше было портретов рисованных – они ему весьма льстили: его небла-

говидная внешность выглядела на них значительно пристойнее. Его биография (написанная им самим) выходила миллионными тиражами.

Придворные теоретики марксизма-ленинизма объявили его общепризнанным мировым политическим лидером, «крупным теоретиком ленинизма», теоретиком и практиком революции.

Он низверг науки, в которые он мог внедриться: языкознание, историю, экономику — до уровня своего косноязычия, научную мысль подавил цитатами из классиков марксизма и собственных «трудов».

После того, как он бросил обескровленную, обезоруженную, неподготовленную армию под колеса фашистской отлаженной военной машины, он стал Полководцем, Генералиссимусом, Победителем.

Он вколотил в обезмозгленные и молодые головы свой лик как икону. Его портреты были на страницах всех газет ежедневно. Они висели в детских садах, во всех классах школ, в кабинетах, аудиториях, лабораториях, во всех заводских цехах, канцеляриях, кинотеатрах, ЖЭКах – во всех, всех уголках, куда мог проникнуть человек или его взгляд.

(Интересна история одного портрета Сталина с девочкой на руках. Он висел во многих детских учреждениях и школах. Он был известен всей стране. – Черноволосая счастливая девочка в матроске с букетом цветов на руках у вождя. Плакат – фотография. Под ней: «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!»)

Девочка Геля дочь Наркома земледелия Бурят-Монгольской АССР. На приеме в Кремле делегация Бурят-Монгольской АССР 27 января 1936 года преподнесла Сталину букет. Вскоре отец Гели был расстрелян, мать (врач) погибла «при невыясненных обстоятельствах» на ночном дежурстве в больнице. Геля в 6 лет осталась сиротой, бедствовала, хранила подарки Сталина (золотые часы, патефон с пластинками), а плакат долгие годы убеждал, кричал о счастливом детстве советских детей. (Не символ ли?!)

Его бюсты, торсы, фигуры в полный рост стояли в красных уголках больших заводов, мелких контор и учреждений, в учебных и воспитательных заведениях всех рангов, в парках, садах, скверах, на площадях, на вокзалах, у заводских ворот, у кинотеатров и клубов, у школ и институтов. Его огромные статуи ставили в горах. На Волго-Донском канале стояла его статуя, которая претендовала, наверное, на Восьмое чудо света, споря с Колоссом Родосским.

(Сейчас существует множество свалок, на которых нашли приют эти знаки бывшего могущества, но, возможно, где-то идолопоклонники прячут их в укрытиях в надежде на «лучшие» времена.)

В «его» времена и самый серьезный научный труд, и производственный отчет, и доклад школьника должны были начинаться с цитат теоретиков марксизма-ленинизма, прежде всего – Главного теоретика, и кончаться здравницами в его честь.

Чем больше разжигал Сталин борьбу с внутренним врагом, чем больше провалов было в его внутренней и внешней политике, тем сильнее поощрял он аллилуйю в свой адрес и злобный вой в адрес вездесущего врага.

«Гением» он был только в собственных интригах. Он вверг страну в почти не поддающиеся осмыслению бедствия. Но славу ему поют до сих пор. Мы не можем выбраться из исторической пропасти, в которую низвергла нас неистребимая сталинщина. И чем труднее выбираться из нее, тем громче поем ему хвалу... Воспоем же и здесь хвалу Мудрейшему! Он устроил великий «пир во время чумы». Противопоставить Большому Террору перманентный шумный праздник – это была гениальная находка (возможно, кем-то подсказанная). Но Сталин и сам умел учиться и учился! У Ивана Грозного, у Петра Первого, у Гитлера. Более всего, возможно, у Гитлера.

Гитлера Германия в первые годы его власти, действительно, могла считать спасителем нации: он ликвидировал безработицу, провозгласил социальное равенство, он вернул немцам

утраченную веру в себя, а когда он начал подминать под себя Европу (что немцы, к сожалению, приняли с гордостью), в недавно голодавшую Германию потекли европейские богатства: молочные продукты из Дании, сыры и вина из Франции, рыба из Норвегии...

Гитлер был фюрер, активный и доступный. Сталин был идол, скрытый и неприступный.

Посмотрев фильм о Гитлере Лени Рифеншталь «Триумф воли», поняла, что лавры Гитлера не могли давать покоя Сталину. Как он ни нажимал, как ни требовал славословия и идолопоклонства, как ни наполнил, до удушья, своим именем газеты, журналы, искусство, жизнь каждого человека в СССР, от горшка до гробовой доски, все равно российская толпа, российское славословие и поклонение – это нечто лохматое и разноперое. Немецкое – это плотные ряды, строгие лица, единый, всей нацией выдох: «Хайль!». (В российской толпе одна десятая идейных, половина принудительно загнанных, остальные – любопытные...)

Фашистская Германия была рядом. Она широко коллективно развлекалась (и маршировала!) Германская киноиндустрия за двенадцать гитлеровских лет (1933—1945) создала 1363 фильма, из них 150 пропагандистских. 90% фильмов – это был праздник, развлечение, отвлечение, красавицы – звезды: Лида Ваарова, Цара Леандр, Марика Рёкк.

И в Советском Союзе годы Большого Террора были самыми веселыми.

Стоны, слезы, кровь были укрыты ночной тьмой, спрятаны за колючей проволокой в нежилых просторах огромной суровой страны, за толстыми стенами тюрем, в глубоких подвалах пыточных и расстрельных камер. ТАЙНА И СТРАХ ПОЗВОЛИЛИ НАРОДУ ПЛЯСАТЬ НА РОДСТВЕННЫХ ГРОБАХ. Уничтожая «врагов», «он» уничтожал (или запугивал) ВСЕХ членов семьи. Народ был разобщен. СМИ лгали... Тот, кто что-то знал, молчал под страхом смерти.

Страна просыпалась каждое утро под радостную песню, которая лилась из черных тарелок радио по всей стране:

«Широка страна моя родная,
Много в ней лесов, полей и рек,
Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек.»
И славил своего Вождя:
«На просторах Родины чудесной,
Закаляясь в битвах и труде,
Мы сложили радостную песню
О Великом Друге и Вожде.
Сталин – наша слава боевая,
Сталин – нашей юности полет.
С песнями, борясь и побеждая,
Наш народ за Сталиным идет.

Подобных песен десятки, сотни...

Выходят веселые музыкальные фильмы: «Волга – Волга», «Веселые ребята», «Весна», «Антон Иванович сердится», «Музыкальная история», «Свинарка и пастух». (Такие же будут выходить и во время войны и после: «Беспокойное хозяйство», «Небесный тихоход», «В 6 часов вечера после войны», «Сердца четырех», «Свадьба с приданным». «Кубанские казаки», «Сказание о земле сибирской» и мн. др..)

В 1934 году Мейерхольд ставит «Даму с камелиями» с Зинаидой Райх. Публика ломится. (Позже он расстреляет Мейерхольда, Зинаида Райх будет зверски убита в своей квартире.)

В 1937 году Художественный театр ставит «Анну Каренину» с Аллой Тарасовой в главной роли. Сталину нравится. Все актеры награждены. Сталин щедрой рукой (Сталин любил театр) дарит театру поездку в Париж с семьями.

В СССР великий балет, опера, оперетта, эстрада.

В 1936 году перелеты советских летчиков через Северный Полюс в Америку: Чкалов с Байдуковым и Беляковым, команда Михаила Громова, Леваневский.

В 1937 – высадка Папанина на Северном Полюсе.

Страна шумно, бурно, радостно, гордо чествует своих героев. Награждают полярников, летчиков, артистов.

(Сталин хотел сделать национального героя, всенародного любимца Валерия Чкалова шефом НКВД. Чкалов отказался. Через полгода он погиб при загадочных обстоятельствах – стандартная сталинская формула уничтожения...)

Развивается стахановское движение. Чествуют стахановцев. Газеты кричат об их трудовых подвигах.

В 1939 году открывается Всесоюзная сельскохозяйственная Выставка (ВСХВ). В прекрасных павильонах достижения сельского хозяйства (которого не было).

Именно в эти годы устраивались самые яркие и красочные спортивные парады, открывались заводские клубы, дворцы пионеров – с кружками, студиями, вечерами, утренниками, праздниками. Развивалась самодеятельность. Страна маршировала и пела. Записные стихоплеты славляли Сталина, счастливую жизнь страны, но песня заражает, а веселье втягивает в водоворот и честных, одурманенных атмосферой всеобщего ликования. Песни мелодичные, их легко петь, с ними легче идти по жизни.

«Нам песня строить и жить помогает,
Она, как друг, и зовет, и ведет,
И тот, кто с песней по жизни шагает,
Тот никогда и нигде не пропадет.»

Репродукторы и кинопередвижки ползли в самые глубинные и труднодоступные места Советского Союза и славляли Вождя и Отечество, шагающее в коммунизм.

Праздник должен был быть не менее масштабным, чем Террор. И, поскольку то, что действительно происходило в стране, было покрыто тайной и извращено ложью, большинство, и прежде всего молодежь (а ставка делалась главным образом на нее), считало, что живет в счастливой стране; ну, а трудности, бедность – этим поколениям, выросшим и сформировавшимся после революции, было не привыкать: они другого и не знали. А о старой жизни вспоминать воспрещалось, да и было уже почти что некому...

И манкурты, родства не помнящие, потерявшие родных и близких, сгинувших в провалах и глубинах чудовищной структуры, называемой «органами», маршировали на праздниках с портретами палачей, пели им аллилуйю, славили свою великую Родину и счастливую жизнь. Манкуртизм – отсутствие памяти и верности чему-либо, кроме «хозяина». «Хозяин» был: Вождь, Отец, Учитель, Друг и его атрибутика – партия, коммунизм, социалистическая родина. Знать и делать можно было только то, что соответствовало верности «ему». Поэтому мы не должны были знать историю своей Родины, ибо эти знания помешали бы нам любить «его». Мы не должны были знать своих корней, ибо «бдительность» и «классовое чувство» превыше всякой родственности. И мы ни в коем случае не должны были знать об истинных его делах, ибо его нельзя было бы любить...

Вождь изрек: «Жизнь стала краше, жизнь стала веселей».

Под прикрытием цветистого покрывала праздника и веселья текла будничная жизнь сталинской державы, строящей социализм.

Сталинский социализм был казарменно-лагерным рабовладельческим строем. Такой строй после революции мог восторжествовать только под дулом пистолета.

Люди были: отчуждены от результатов своего труда, не имели собственности; были лишены личностного достоинства, привыкли к нищете и аскетизму как норме бытия; привыкли к подчинению, легковерию и безответственности.

В сущности, Сталин создал нео-рабовладельческий строй.

Вся страна жила, отгороженная от внешнего мира железным занавесом; внутри нее была отдельная страна – эков и ссыльных, окруженная заборами и колючей проволокой. Эта страна за колючей проволокой, которую позже Александр Исаевич Солженицын назвал «Архипелаг ГУЛАГ», была островами, большими и малыми и целыми краями разбросана по бескрайним просторам русского Севера, Сибири, безводных пустынь Казахстана. В ней вымирали политические, строя сталинский социализм, и матерели и плодились уголовники, «поедая» политических.

Политические при Сталине не должны были возвращаться в места своего прежнего проживания. Если они доживали до конца срока, им его автоматически продлевали или отправляли их на поселение. Они пополняли ряды ссыльных: десятков и сотен тысяч раскулаченных крестьян; целых народов и народностей, согнанных с их исконных земель в места гиблые, не пригодные для жизни. Все строили социализм. Строили без необходимой техники, почти голыми руками, эки – за пайку, ссыльные и переселенцы – за нищенскую плату, которой не хватало просто на выживание. Для эков «шаг влево, шаг вправо» означал смерть, для переселенцев незарегистрированная отлучка в соседний поселок к родственникам или друзьям приравнивалась к побегу и оборачивалась каторжными работами. [166].

Выселенные (сроком на 20 лет) во время войны НАРОДЫ остаются в этом статусе НАВЕЧНО. Так объявлялось в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года [167].

Руками этих рабов построены каналы, нужные и ненужные: Беломорско-Балтийский, Москва – Волга, Волго-Донской, Главный Туркменский, Самотечный канал Волга – Урал и др. На их костях на вечной мерзлоте стоят города Норильск, Магадан, Джезказган, Салехард, Находка, Братск, Воркута и десятки других, многие из которых так и не появились на картах, оставаясь засекреченными городами-призраками...» [168]. (Официальные заключенные официальных концлагерей составляли около 40% всего работоспособного населения).

Между колючей проволокой ГУЛАГа и «железным занавесом» жили рабы второй категории – «свободные» рабы. Они тоже строили коммунизм. Иногда на этих стройках работали рядом с эками. Тогда их называли «вольняшками». Они а priori не были обречены на вымирание: эти должны были выживать. По ту сторону колючей проволоки вымирали, по эту – выживали. «Свободным» тоже платили нищенскую зарплату, но обеспечивали бесплатным лечением, бесплатным обучением, организовывали для детей детские сады и пионерские лагеря. Они пели веселые песни, им показывали фильмы про героев – строителей коммунизма и про их красивую жизнь. А еще им досталась, хоть и ободранная, усеченная, порушенная идеологической цензурой и страшными потерями в революциях и войнах, внутренних и внешних, великая русская культура, которая, более, чем скудный хлеб, питала таланты и давала «кислород» «свече неугасимой».

Эти «свободные» могли в любой момент стать эками, потому что лагерные стройки (коммунизма или социализма) разрастались, а строители, как им и полагалось, вымирали, и требовалась все новая и новая бесплатная рабочая сила. Теперь НКВД получал разнарядки на количество арестованных (отделы НКВД даже соревновались между собой, кто больше арестует [Александр Яковлев, ТВ-передача], и чтобы из «вольняшек» загреметь в эки, не нужно было даже «торчать», быть заметным, быть потенциально опасным.

Развивалась лагерная индустрия (тем более, что в нее уходили лучшие специалисты, активисты и умники), жировал НКВД, крепчала власть и авторитет Отца народов.

У «вольных» было немного больше хлеба и радостей, не было постоянной угрозы смерти (неминуемой), но воли было ненамного больше, чем у зэков.

Вся деревня была беспаспортной, а значит, – невыездной. Передвигаться по территории СССР было практически невозможно и опасно. В городе сменить работу было очень трудно. В деревне карали за невыход на колхозное поле, в городе – за малейшее опоздание на работу – за это можно было получить не просто взыскание, но и что покруче: на кару «железная рука» была легка.

.Все перемещения из одного города или поселка в другой происходили с ведома и по указанию, по путевке, разнарядке, распределению руководящих (партийных) органов. Можно было выехать на учебу в более крупный город, но это не значит, что в нем можно было остаться жить.

В жизни граждан Великой Державы СССР была одна удивительная особенность, вряд ли знакомая какой-либо другой стране. Они все имели ПРОПИСКУ. Прописка – это значит, что в вашем паспорте записано, что вы живете в таком-то населенном пункте, на такой-то улице, в таком-то доме, или квартире, или комнате, т.е. вы ПРИПИСАНЫ к какому-то участку пола на этой земле. Этот участок пола определяет, где вы можете работать, у какого врача лечиться, в какой школе могут учиться ваши дети и т.д..

Прописка – это метод контроля, контроля передвижения (прописка постоянная, временная, суточная). С учетом соглядатайства и сексотства на производствах и в квартирах, эти условия приближали положение «свободных» граждан этой страны к положению ссыльных. К началу Большого Террора весь народ, каждый человек сидел на цепи и был под наблюдением. Бежать было невозможно. О прописке стоит штамп в паспорте, а без паспорта любой человек в СССР а priori преступник и подлежит задержанию. Если у вас нет прописки, вы – никто. Вы не имеете права ни работать, ни лечиться, ни учиться. А «кто не работает, тот не ест» – фундаментальный принцип социализма. Не работающих высылали, как тунеядцев, в те же самые «благословенные» края. В России появилась широко распространенная аббревиатура БОМЖ: без определенного места жительства. Это человек, который нигде не живет, нигде не работает, ничего не имеет, нигде не моется, ничего не ест... Их много мается по России – матушке...

Коллективизированные крестьяне были закрепощены за своим сельсоветом, пожалуй, более жестко, чем когда-то за помещиком. Они не только не имели права выезда на жительство в город – их не выпускали в город на базар, в магазин. Это положение смягчалось крайней нищетой этого крестьянства, полным отсутствием у них денег.

Так вот: если вы окончили высшее учебное заведение, вас не отпускают в «свободный полет» – на рабочее место вас распределяет специальная государственная (партийная) комиссия. (В этом было, правда, не только отрицательное, но и положительное – всякая медаль о двух сторонах), но очень часто новоиспеченных специалистов направляли в дальние края – туда, куда по своей воле человек не поедет. Россия – страна огромная, климат ее суровый, мест, требующих героизма для проживания, много, а лагерные стройки коммунизма в гиблых местах – огромная империя ГУЛАГ – особенно нуждалась в специалистах. В одной студенческой песенке были такие слова: «Путь до Магадана недалек: за полгода поезд довезет...»

(Право свободного выезда в другую страну было ликвидировано. Его не было ни в Сталинской, ни в Брежневской конституциях. Не только выезда на постоянное место жительства, но даже выезда в командировки, на симпозиумы, на встречи с родственниками. «Выездными» были только те, кому не грозил «страх сравнения», кто никогда за рубежом не имел бы тех благ, того «пряника», которые он имел тут, в своей партии. Всех остальных, кто побывал за рубежом: коминтерновцев, ученых, военнопленных – Сталин рано или поздно уничтожал. Боялся он «декабристов»...

Необходимо подчеркнуть, что государство несвободных людей процветало под солнцем Сталинской Конституции – одной из самых демократических по тем временам в мире.

Что такое раб?

Раб – это человек: а) не имеющий прав; б) формально имеющий права, но они не защищены исполнением законов, даже если они торжественно записаны в Конституции государства или в Своде законов.

По пункту «а» в Советском Союзе рабами были ээки и, в значительной степени, колхозники; по пункту «б» – все граждане СССР скопом: при весьма демократической Сталинской Конституции СССР можно было уничтожать миллионы НЕВИННЫХ людей, что Сталин «железной рукой» своих «Органов» безнаказанно с садистским наслаждением делал в течение 30 лет. Человек, имеющий права, живет, подчиняясь закону. Человек, не имеющий прав, человек – раб, живет, подчиняясь воле сильного или облеченного властью.

Так жили все, в «Б» и «М» зонах. В «Б» зоне можно было как-то существовать в своем профессиональном кругу (но не «торчать»!), в своей семье, пока тебя, по какой-то причине, не накрыл властный колпак. Как только человек оказывался под колпаком, он очень быстро осознавал, что он АБСОЛЮТНО бесправен, что он – раб.

Но сколько людей в России (в СССР), в нечеловеческих условиях рабства оставались свободными духом!

Легко быть свободным в стране, где свобода, охраняемая законом, стала истинным достоинством гражданина. Но быть свободным в тюрьме – это особый героизм духа. Вряд ли это возможно без веры в высшее начало, в Бога, в высшую справедливость. Это глубокое постижение истинного назначения человека, сохранение дарованной ему Божественной искры. Люди, постигшие это, выживали в условиях, в которых очень быстро погибали люди гораздо более крепкие физически, но не духовно.

Человек, как таковой, привлекал пристальное внимание, но только в одном аспекте: опасен он для режима или нет. Во всех остальных аспектах этот человек для государственной машины не существовал. Все, что делалось государством, делалось для его выживания, но не для его удобства, блага, процветания.

Все, что в стране происходило и творилось – творилось во славу великой эпохи и ее Создателя и Вдохновителя, Великого Учителя, Отца народов. Происходила коллективизация, индустриализация, электрификация, уничтожение врагов и покорение природы. Строились только гиганты: магнитки, днепрогэсы, каналы, гигантские ГЭС – самые крупные в Европе и в мире, на дне новых морей хоронили сотни деревень, десятки городов, памятники старины, произведения искусства, свою историю и природу. В результате производили электроэнергию больше, чем в США, но на душу населения в 8 раз меньше.

Покоряли природу, насаждали лесозащитные полосы, строили гигантские тракторные заводы и трактора, а хлеб не родил, поля погибали, пустыли десятки тысяч деревень, деревня вымирала от голода. Ежегодно снижались цены (на несколько %), а народ голодал. Строили высотные дома-дворцы (во славу сталинской эпохи!), а миллионы людей ютились в каморках, бараках, коммуналках-клоповниках, по 3 квадратных метра на человека, а иногда и по 1 метру... (Жилищный кризис, созданный сталинской эпохой, мы не можем расхлебать до сих пор!).

Здоровое общество вряд ли сможет представить, что в обществе, больном «развитым социализмом», человек на любой инстанции, независимо от вопроса, по которому он по инстанциям идет, всегда встречает СОПРОТИВЛЕНИЕ. В лучшем случае тупое, как правило, – злобное. Можно было бы искать какие-либо причины к тому, если человек просит улучшить его жилищные условия или повысить пенсию. Но эффект тот же, когда он приходит с предложением организовать детский музыкальный кружок, спортивную площадку или уголок

отдыха при ЖЭКе. Причем ни от кого ничто не требуется, кроме разрешительной бумажки или подписи на ней. (Причем, это деяния бескорыстные). И начинается рык и лай тупых полуграмотных баб (на нижних ступенях этих «инстанционных» организаций сидят обычно «дамы» – особы мужеского пола на этих ролях обычно еще противнее: это либо блатные недоумки, либо солдафоны на пенсии: на эти должности брали только тех, кто умеет «держаться и не пущаться»...)

Иногда вначале человеку отказывают вежливо (отказывают всегда). Но стоит ему проявить упорство, начинается неизменный лай и рык. Причем, в данном случае речь идет о делах законных и вполне решаемых. И начинается хождение человека по инстанционным мукам, бесконечное, изматывающее и, как правило, бесплодное. Это картина общая.

А изобретения! Это особость! Завалы советских изобретений, пробившихся сквозь все рогатки и попавшие в макулатурные свалки спецучреждений, невообразимы, но это ничтожная доля от того, что не прошло или не пошло по инстанциям, или было задушено изобретателями в собственных мыслях («от греха подальше»). (Конечно, была область, в которой изобретения поощрялись – там, где они работали на вооружение, на войну: в специальных конструкторских бюро, военных производствах, физике, математике, в том, что работало на космос. Но и там, сколько было запретов по идеологическим и политическим мотивам, сколько и в этих областях искореженных судеб великих российских умников?!)

Это человека давит, отупляет, поработывает, иссушает в нем мысль и убивает надежду.

От тупости чиновников, от хамства, висящего в воздухе: в конторах, магазинах, на улице, на производстве – в наибольшей степени страдает интеллигенция, та самая «больная» удивительная российская интеллигенция, которая всегда «страдала за народ» и после революции получила от этого народа сполна...

Уничтожение лучших во время революции и прицельно в сталинском терроре приучило «низы» не уважать, не доверять, презирать и попираť все, что интеллигентно, нравственно, духовно – все, что благородно и стоит выше. Раньше у простого народа было априорное уважение к грамотности, интеллигентности, благородству. Советская власть воспитала ко всему этому – сознательную ненависть, называемую «классовым чутьем».

Прогресс в таком обществе весьма затруднен. Оно развивается по планам «генеральной линии партии», отсекая инициативу и творческую мысль народа. Общество начинает разрушаться и гнить. В нем вымирает, разрушается живое и неживое. Разрушаются биологические структуры в человеке, не говоря о социально-психологических. Разрушается природа, в ней разрушаются и флора, и фауна. В этом процессе прежде всего разрушается и гибнет высокоорганизованное, хрупкое, чувствительное – самое ценное (и в природе, и в обществе). (Наверное, и красную рыбу в реках, и сочные травы в лугах, и кедры в тайге заменили какие-нибудь лещи, щуки, чертополох, осина или просто пустоты...)

Почему так происходит? В чем причина?

Большевики презрели законы природы и человеческого общества. Они сломали веками создававшиеся общественные структуры, поставили общество с ног на голову, законы из объективной категории перевели в субъективную. Это политика невежд и авантюристов. И она ни при каких обстоятельствах не имела бы успеха, если бы не подыгравшая им российская триада: вековое российское рабство; неграмотность основной части населения и самое главное – великая кровь: насилие тупое, беспощадное и прицельное.

Большевики легко захватили власть в России. Они сумели ее удержать: их было мало, но у них был Вождь, лозунги и немеряная энергия насилия. У них было очень много противников, но у противников не было единого вождя, они были разобщены и тянули в разные стороны. Большевики свалили Россию и поставили ее вверх «дном».

Ленин умер в начале пути. Власть захватил Сталин. Он укрепил эту базовую триаду российского большевизма: укрепил рабство; укрепил в обществе верховенство люмпена, «дна»;

он скрепил фундамент своей власти немеряной кровью и укрепил «триаду» невиданным идолопоклонством.

«Голову» России большевики снесли. «Дно» вытеснило из партийных рядов, истребило идеалистов, романтиков, энтузиастов, заблудших. Наверх пошли самые напористые, аморальные, подлые, корыстные. Они стали править Россией, возглавляемые своим вождем.

И все же народ должен был выживать. Природа и история приучили народ России к героизму, почти как к норме. А большевизм сделал героической интеллигенцию. И, поскольку дух крепче тела, именно интеллигенция, при всех страшных гонениях на нее, создала при социализме те ценности, которые мы утратили, по которым скорбим – дух и традиции в науке, искусстве, в образовании, в медицине.

Я неоднократно возвращаюсь к вопросу об интеллигенции. Российская, советская интеллигенция – это особое российское явление в мире. Это не образованное сословие Запада, которое уважаемо, оно хорошо зарабатывает и хорошо живет. Российская интеллигенция – она не работает, не зарабатывает – она СЛУЖИТ: делу, идее, народу, Отечеству независимо от условий жизни, заработков и правителей.

Российская интеллигенция была воспитана Великой русской культурой Пушкина, Гоголя, Достоевского, Толстого, Чехова, Глинки, Чайковского, великой русской живописью и театром. Советской культуре достался тонкий слой отдельных оставшихся ее островков после большевистского революционного ее разгрома.

Трудно даже представить, какой расцвет ждал бы Россию, если бы Ленин не изгнал «сливки» – истинный великий цвет российской интеллигенции конца 19-го – начала 20-го века – эпохи ее бурного, «пассионарного» ее развития, а Сталин не уничтожал бы советскую интеллигенцию, разбуженную революцией, вышедшую из всех слоев общества, возбужденную новыми возможностями, которые дарил новое время. Талантов, ярких, глубоких, разнообразных, были сотни, тысячи. Взбудораженная, взрытая российская земля выплеснула их из своих недр...

Крестьянство, оторванное от земли-матушки, погибало, спивалось.

«Гегемон» структурировало производство: крупные военные предприятия платили лучше и требовали дисциплины. На мелких была тупость и пьянство.

А в целом, масса образованцев, полуживое крестьянство, гегемон, чиновничество, воспитанные на поверхностно-крикливых лозунговых «истинах» в последней инстанции, привычно воспринимали очередное неоспоримое достижение передового учения, «вдохновенно» откликались на любой злободневный призыв. Нужно было верить и шагать «в ногу». Верили и шагали.

Под лозунги, сказки и марши в усредненном обществе сформировалось удивительное единомыслие, уникальное явление, которое громко и гордо было объявлено **МОРАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИМ ЕДИНСТВОМ СОВЕТСКОГО НАРОДА**. (так была названа абсолютная недопустимость иного мнения – в действительности: никакого собственного мнения, кроме официального).

При Сталине было не только морально-политическое единство народа, но была еще и **ДИСЦИПЛИНА**. На работу не опаздывали: за 15-минутное опоздание можно было угодить и в лагерь. Вся страна была опутана сетью законов, постановлений, установок, ущемляющих, запугивающих человека – любого, большого и самого малого, незаметного, скромного и запуганного.

С 7-го августа 1932 года за хищение колхозного добра – расстрел или 10 лет тюрьмы. (Речь могла идти не о мешках, а о горстках зерна, о десятке картофелин для голодных детей, о «колосках», оставленных в поле).

С 1938 года вычеты из получки за опоздание; 3 опоздания в месяц – под суд.

С июня 1940 года под страхом тюрьмы никто не имел права менять место работы, отказываться от сверхурочного (бесплатного) труда.

В. Селюнин пишет: «После войны я работал на меланжевом комбинате в Барнауле. Большая часть моих товарищей по общежитию побывала в тюрьме... Мой соученик по вечерней школе, работник горвоенкомата, как-то под большим секретом сообщил: около половины призывников имеют судимость. А призывники – еще мальчишки...» [170].

(Чего же нам ждать от нашей армии, от нашего мужского населения вообще: мы знаем КАК и КОГО воспитывает наша тюрьма).

Большая Зона пела: «Широка страна моя родная...»; в Малой Зоне пели: «Я помню тот Ванинский порт...»

И на работе, и дома разговаривали чрезвычайно мало – только по делу: всюду были «уши». Можно было только славить. Это делалось громко, постоянно, везде.

Деревня вымирала тихо: она уже не протестовала – она знала, чего стоит протест. Те, кто протестовал, ушли в мир иной; оставшиеся с материнским молоком впитали и передавали новым поколениям науку покорности.

Город жил в «клоповниках», в бедности, в нищете.

И колхозы, и промышленность рапортовали об успехах, социалистическом соревновании и о «дальнейшем улучшении...». Гремели об успехах черные тарелки радио. В кинотеатрах шли веселые бодрые фильмы. Пионеры и комсомольцы проводили собрания, верили в коммунизм, пели пионерские и комсомольские песни, маршировали на праздниках с «его» портретами, знаменами, плакатами. А на праздниках все пело и маршировало. (О Малой Зоне никто ничего не знал ...)

(В М. Зоне не пели и не маршировали. Но спектакли там тоже шли: Лагерное начальство тоже хотело жить. И играли там тоже великие русские актеры и неистребимые российские таланты – ээки. Играли после лагерных работ. Получали лишнюю лагерную пайку. Все равно вымирал. Но в чудовищном кошмаре их жизни имели маленькую отдушину, лучики света. Ловили их жадно, пили искусство, как воду в пустыне...)

Еще говорят (с легкой руки Черчилля), что при Сталине Россия стала великой индустриальной державой, а раньше пахала на козе.

Давайте вспомним, что «на козе» она кормила и себя, и пол-Европы, а на тракторах никогда не ела досыта. Темпы промышленного развития России до Первой Мировой войны приближались к темпам развития США. 60% дорог России было построено до революции. (А она после отмены крепостного права до Первой Мировой войны прожила чуть более 50 очень беспокойных лет.) А при социализме почти все железные дороги строили ээки. (БАМ строили не ээки. Было много лозунгов, шума, как всегда много героизма и энтузиазма, но построить так и не смогли...)

За тот период, в который СССР стал великой державой, все передовые капиталистические страны (и не очень передовые —тоже) стали великими индустриальными и военными державами, странами передовых технологий и высокого уровня благосостояния народа. А российский народ жил в беспросветной бедности и с годами только нищал.

Эта беспросветная нищета, несостоятельность экономики «развитого» (и развивающегося) социализма, постоянные дефициты уродовали общество, семьи, мужчин, женщин и детей.

Мужчина перестал быть кормильцем семьи (речь не идет о номенклатуре). Никакая одна зарплата не могла обеспечить проживание, выживание даже самой малой семьи. Все трудоспособные члены семьи должны были работать, если они не учились в дневных учебных заведениях. Тунеядцев высылали. Мужчина терял свое семейное достоинство, начинал пить или с головой уходил в производственные проблемы. Все тяготы быта ложились на женщину, тоже работающую по полной программе. После полного рабочего дня женщина должна была обе-

жать несколько магазинов и в длинных часовых, иногда многочасовых очередях добыть продукты, чтобы покормить семью. Потом тащиться домой пешком или в битком набитом транспорте и стоять в нем, в толпе, выжатой, потной, с неподъемными сумками – драгоценной добычей.

Советские дефициты создали удивительное изобретение с исчерпывающим смысловым названием: «авоська» – авось-ка! Это очень прочная плетеная сумка—сетка, которую можно спрятать в кулаке, но вмещающая иногда – пуды! С этими авоськами бегали и ехали домой добытчицы-женщины. Из сеток виднелись картошка, капуста, торчали морковные и рыбы хвосты.

Женщины в России умеют красиво одеваться, даже в бедности. Но красивый наряд унижает навьюченную женщину, и она отказывается от красивых нарядов. Дома она после всех дневных трудов станет к керосинке, к плите, к корыту в коммунальной кухне: в сталинской России не было отдельных кухонь, ванных, холодильников, стиральных машин, собственных автомобилей и т.п..

А дети? – Разве тут до воспитания? Накормить бы...

Благо, наши самоотверженные учителя организовывали в школах, во дворцах пионеров кружки: литературные, математические, технического моделирования; вышивания, песен и танцев; организовывали вечера самодеятельности и тем смягчали наше великое истинное и «соломенное» сиротство...

Разруха в стране, порожденная сталинской коллективизацией и репрессиями, на долгие годы закрепила в стране крайнюю нищету – нищету материальную и убогость идейную. Но именно в этой атмосфере и на этой почве мог проявиться тот поразительный энтузиазм в строительстве коммунизма – специфический российский феномен, который действительно имел место.

На выбитом и опустошенном интеллектуальном поле легко было насаждать, вколачивая, убогие и лживые идеи, обильно удобряя это поле идолопоклонством и страхом. А абсолютная неспособность этой разрушенной экономики предложить человеку соблазны была естественной твердой почвой для неизбежного аскетизма. Это смешение псевдоестественного и искусственного и создавало этот (псевдо) естественный феномен российского энтузиазма и патриотизма сталинских времен, состоящих из искусственных фальшивых деталей недомыслия и нищеты, но не осознанных в условиях умственной и материальной убогости и страха. Это была та единственная обстановка, в которой сталинский тюремно-казарменный социализм мог строиться и существовать.

В сущности, у лагеря и «воли» было много общего; в лагере страх ареста и насилия был уже осуществлен, баланда жиже, смерть – ближе. Разница была особенно мала для тех, кто попал туда из разгромленной деревни или из городских бараков, куда хлынули деревенские беженцы, где ютилось огромное море уголовников, полууголовников, сирот и других человеческих осколков революционного разгрома.

Трагедия была для интеллигентов, для которых воля – необходимый элемент жизни, и материальный уровень жизни которой хоть и был нищенским на «воле», но, несомненно, выше лагерного. А они составляли весьма существенную, а временами, несомненно, основную часть лагерного контингента. Осознавал ли Сталин, что именно эта, интеллектуально обнищавшая и материально убого однобокая, экономически несостоятельная – единственно та страна, которая может быть ему подвластна, только такой нищенской страной он способен управлять. Ибо самое незначительное повышение экономического уровня, обеспечившее самое скромное предложение, породило бы спрос и желания, снизило бы бесплодный энтузиазм, и сдвиги в общественном сознании пришлось бы ликвидировать таким напряжением страха и репрессий, которые сделали бы даже эту многотерпеливую страну нежизнеспособной.

(После его смерти прежде всего рассыпались самые искусственные структуры его правления: энтузиазм и аскетизм. Они сменились апатией, глубоким мещанством, воровством, взяточничеством, «теневой» экономикой, полным вырождением и крахом, нравственным и экономическим.)

Надо полагать, что храбрость – это качество, которым наделены тираны не более, чем другими добродетелями. А поскольку им есть чего бояться, они трусы, они злосчастные трусы, которые не знают покоя на этой земле, как грешники в Аду. Этот животный страх реализуется в изощренных методах запугивания, подавления и обмана. Они нагнетают страх в обществе из страха перед ним. Это тоже один из патологических замкнутых кругов. Органы БЕЗОПАСНОСТИ – это основа, хребет, скелет, всепронизывающая структура общества. – ЧЬЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ?!

Власть тирана, стоящая на крови, может быть жестока и сильна, но не может быть прочна и долговечна. Вот этот вечно нависающий миг, когда античеловечная структура пошатнется, захлебнется пролитой кровью, задохнется от зловония глубинного гниения – этот карающий миг держит тирана в состоянии постоянного напряжения и защитной активности.

Сталинская страна непрерывно бурлила. Карала «виновных», прощала «невинно осужденных», карала карателей. Непрерывно творила «высшую справедливость», то карая, то прощая. Этот фейерверк посадок и освобождений из тюрем и лагерей был абсолютно необходимым трюком для утверждения и подтверждения лозунга, которым сталинская пропаганда пропитала все общество: «У НАС ЗРЯ НЕ САЖАЮТ!».

В этом многомиллионном адском котле ничего не стоило даже сотню из каждой тысячи невинно репрессированных выпускать на волю, чтобы они рьяно несли в толщу масс убежденность в высшей справедливости карательной машины и Верховного Карателя. А разобщенность всех, кто попал в ее жернова на всех этапах: от угрозы ареста до последних дней в тюрьме, на следствии, на этапе, в лагере – позволяло многим из миллионов, попавших в кровавое месиво, считать, что каждый из них жертва нелепой ошибки, а все окружающие, наверное, «не зря». Это один из сталинских методов РАЗОБЩЕНИЯ, которыми он пользовался ВСЮДУ И ВСЕГДА.

Но разобщенность сама по себе не укрепляет трон, она лишь не угрожает ему, не может его разрушить. Ему нужна была опора, цементирующие средства. И они нашлись. Бурный шумный праздник в стране победившего социализма и всепронизывающее идолопоклонство: прославление Великого Творца этого всеобщего счастья, Отца народов, Строителя социализма, Творца всех наших побед!

И мы снова возвращаемся к Празднику социалистического строительства, к «пиру во время чумы».

И «чума», и «пир» ушли вместе с ним в преисподнюю. Но остался смрад нравственной разрухи. После короткой «Оттепели» общество сменило окраску: напряженно-политическую на уголовно-воровскую. «Политические» (да их и не было) вымерли в лагерях, а махровая уголовщина, выросшая на крови перемалываемых политических: уголовники, палачи, надсмотрщики, ВОХРовцы – весь неохватный механизм гигантской мясорубки распозлся, пропитал все слои общества, спаялся с номенклатурой, разъял армию, пропитал народную толщу.

Номенклатура, которая при Сталине жирела за высокими заборами, при Брежневе, не опасаясь репрессий, подстегиваемая западными ароматами, ушла в воровской «теневой» бизнес и просто в разграбление страны. Разномастное ворье стало, как моль, разъедать все хозяйственные и общественные структуры страны.

Социализм, который Сталин построил, был нежизнеспособен. Он мог держаться только на крови. Когда постоянный приток свежей крови прекратился, он начал сыпаться, и попытки спасти его оказались тщетными. Он рухнул. (Может быть, еще и потому, что «спасатели» были

из того же сталинского гнезда. Они умели нажимать, давить, погонять под командой Хозяина, но не умели и боялись думать.)

Безграмотность, предательство и воровская энергия, которой он был обрушен, вызрели внутри самой системы.

Не было грамотных политиков, грамотных экономистов, не было государственных мужей. Мозги большевистская система тщательно вытравляла. А те, которые выживали, не были приближены к рычагам управления, не были квалифицированными специалистами-хозяйственниками. Они работали в других областях.

Внутренние «прозападники» под руководством Запада (который предвидел это крушение, все просчитал и нетерпеливо и деятельно ждал этого момента) обрушили Советский Союз «грамотно» – так, что от него не осталось камня на камне. Все, что можно было вывезти из страны, было вывезено. Номенклатурно-воровская машина, освобожденная от всяких законов, разграбила и присвоила себе все, что нельзя было вывезти – все, что создавалось народом в течение 70 лет (и более). Разнокалиберная уголовщина разоряла страну, вгоняла обнищавший народ в стрессы, безнадежность, апатию.

Такой разрухи не было даже после Первой Мировой войны, революции и войны Гражданской. НЭП поднял страну в течение двух – трех лет. И после ВОВ в течение пяти – семи лет страна залечила свои великие материальные раны: человеческие – не лечатся, потери – не восполняются...

После нашей бескровной контр-революции – «перестройки» страна не может подняться уже более 20 лет, и перспективы ее пока туманны.

Самое страшное, что сделал с Россией большевизм, и более всего Сталин, как самая значимая, самая энергичная и самая разрушительная его сила, – это геноцид и нравственная разруха. Разрушен был фундамент, генетическая основа формирования и существования народа, основные его корни.

4 волны эмиграции в течение 20-го века опустошали Россию и ее генетические кладовые. 3 последних – прямая или косвенная вина Сталина.

2-я волна – это люди, вывезенные насильственно немцами или добровольно ушедшие с ними, бежавшие от сталинского социализма, от перманентного террора и от неизбежных расправ за пребывание на оккупированной территории (не его ли вина была в том, что эти территории были столь обширны?!). Эта волна наименее значительная из всех.

Биологический антисемитизм Сталина не был реализован: ему нехватило нескольких дней и нескольких месяцев, чтобы уничтожить евреев Советского Союза, возможно, более успешно, чем это сделал Гитлер. Но он оставил после себя махровый государственный антисемитизм. В результате в 60-е – 80-е годы СССР покинуло огромное количество евреев (с которыми уехало много неевреев): физиков, математиков, биологов, программистов, врачей, музыкантов, кинематографистов, писателей, актеров, танцоров, художников – людей высокообразованных, талантливых, мастеров своего дела (неумелые за рубеж не поехали – там они не нужны).

Это очередные, большие, трудно измеряемые потери страны. (В течение всего 20-го века Россия массово, слоями, пластами смывала за рубеж немеряные свои бесценные ценности).

После «перестройки» на пепелище, оставленном ею во всех областях: в промышленности, в науке, в образовании, в искусстве, медицине – специалистам делать было нечего. И все, что что-то умело, все бесценное, квалифицированное, деловое, талантливое – широкой волной хлынуло за рубеж: кто-то просто в поисках хлеба насущного, кто-то бежал из этой проблемной, непредсказуемой, вечно бедствующей страны, безнадежно разрушенной. Это потеря, не поддающаяся оценке. Кто-то из них вернулся. Но очень немногие. Они предпочли осесть в благополучных, сытых, спокойных странах и работать на них, на их благоденствие, а не на Богом забытую Россию.

Глубокий анализ не потребуется, чтобы показать, что и эта трагедия: «перестройка», эмиграция, пропасть, из которой Россия не может выбраться, – это все неизбежные последствия сталинщины.

Сталин оставил после себя обескровленный, выхолощенный народ и созданную им под себя партию во главе его. Эта партия создавалась не для управления, а для послушания. Когда ее «голова» отлетела и кнут перестал устрашать, партия стала гнить, и катализатором этого гниения стал «пряник», к которому она привыкла, но который в новые времена, когда железный занавес пал и с Запада потянуло ароматами их неведомого России благоденствия, стал недостаточно «сладок и румян». Хотелось большего. Но в социалистической России, сталинской России, с ее нищенскими твердыми зарплатами, которые не менялись десятилетиями и не зависели от напряженности труда, от производительности труда, достижений и успехов, это было невозможно. В качестве поощрения и награды можно было попасть на «Доску почета» или получить ничего не дающий значок «Ударник труда». Все исключения из этого правила принципиально ничего не меняли. И для членов партии и партноменклатуры – тоже: у них все было тоже твердо определено. Но времена сменились. Люди увидели, что можно жить иначе. Но как?! – Только через воровство. И номенклатура, и «массы» были к этому готовы. Страна была наводнена уголовным элементом, разросшимся, заматеревшим, разжиревшим в сталинских лагерях. Нищая, бедствующая, сиротская страна его порождала, лагеря его выращивали. Номенклатура спаялась с уголовными авторитетами. Она воровала по-крупному, внедрялась в производственные процессы, создавая «теневую» экономику. Все остальное ворье рассасывалось по городам и весям, воровало, пока было на свободе, вовлекая в этот «аппетитный» процесс всех «неустойчивых», не обремененных неудобными понятиями честности. (Если завод производил гайки, воровали гайки, если производил шелковые ткани, – воровали шелк...) Воровали, искали и находили «левые» заработки все, во всех сферах жизни: в производстве, в торговле, в медицине, в образовании, в службе быта, в чиновничьих сделках, в организации досуга и отдыха. Люди устали от нищеты и дефицитов, от непрерывной всепронизывающей Лжи в фальшивых лозунгах, устали от ожидания «светлого» будущего. Это был обвальныи отказ от сталинской философии нищеты. Вера сменилась грубым разрушительным цинизмом. Как всегда, в «дураках» остались лучшие – честные. Прежде всего – интеллигенция. Такое государство шло к гибели. Все понимали, что «плывут на тонущем корабле».

В созданной Сталиным партии, в выхоленном народе не было умов, которые могли бы «спасти корабль». А если бы такие и нашлись, система никогда не подпустила бы их к «рулю».

Показательно, что в этой катастрофической ситуации нашелся человек, который энергично приступил к «спасению». Это был, естественно, человек, выпестованный КГБ.

Людей начали отлавливать в рабочие часы и «шмонать» в магазинах, саунах, на улице.

Я работала в это время в институте, корпуса которого: административный, учебные корпуса, научно-исследовательская часть, библиотека, столовая – были расположены компактно, но на достаточно большой территории. Институт учебный, открытый. Однако сотрудники не могли пройти из корпуса в корпус без пропуска. От выхода из нашего корпуса до входа в столовую было тридцать шагов, но мы каждый день должны были подписывать у начальства пропуска на обед.

Естественно, сейчас же появилась серия соответствующих анекдотов. Один из них: «Считать наступающий 1983 год годом 1938-ым!». И так вся серия... (Интеллигенция России в длительном своем беспросветном существовании научилась лечиться юмором...) Ничего другого сталинская партия, когда запахло катастрофой, придумать не могла!

Обрушилось здание сталинского социализма именно так, как могла обрушиться структура, сгнившая изнутри, но обрушение которой направлялось и очень «грамотно» и точно – извне...

Тем, кто обрушил эту страну сознательно и целенаправленно, удалось очень многое, но не все. Нашлись другие умники, которые спасли основной хребет страны от распада по уже наметившимся разломам. Но поднять страну не удастся, несмотря на титанические усилия. Они пытаются «сбить масло» из тощей «сыворотки», которую оставили сталинщина и разруха «перестройки».

Во времена НЭПа в одночасье проснулась инициатива множества мелких и средних частников. Крестьянство, очень сильно пострадавшее от Первой Мировой и Гражданской войн, от продразверсток, расстрелов, беспощадного подавления бунтов и восстаний, поднялось и снова стало кормить страну. Во время «перестройки» крестьянство подняться не могло: оно спилось, выродилось – генетически, экономически, нравственно. Мелкому частнику неоткуда было взяться: активность, инициатива, вера в государство, в будущее была убита. А то, что нашло в себе силы подняться, неистребимый государственный большевизм и всеобщий бандитизм быстро удушили.

Все усилия, деньги тонут в коррупции, воровстве, разбое, явном и тайном, мелком и весьма масштабном. Ни одна страна не смогла справиться с коррупцией без глобальных перемен и потрясений. Но ни одна страна не сталкивалась с такой коррупцией, всеразьедающей, тотальной. Разве только Камбоджа. Страна небольшая, поэтому мир не замечает...

Пол Пот (не сомневаюсь, что он изучал марксизм-ленинизм и опыт Сталина) хотел явить миру творение новой, удивительной (наверное, счастливой, по его понятиям) жизни, построенной на участке земной поверхности, полностью очищенной от всех наслоений предыдущих цивилизаций. Он уничтожил или загнал в концлагеря 30% населения страны. Он уничтожил всех людей (оставил 14) с высшим образованием, уничтожил древние ирригационные сооружения, электросеть, обувь – все атрибуты достижений цивилизации и культуры. Оставил лишь часть древних храмов для туристического бизнеса. (Эти уникальные храмы разрушаются – их некому и не на что реставрировать. Камбоджа не привлекательна для туризма. (Мне рассказывали друзья, что, когда попадаешь из Вьетнама (страны, пережившей опустошительную, выжигающую войну, но в настоящий момент вполне благополучной) в Камбоджу, сразу видишь, что попал в страну грязную, нищую, и разбойную. И еще раз убеждаешься в том, что никакая война, самая жестокая и кровопролитная, не наносит ей и ее народу таких незаживающих ран и разрушений, как прицельный геноцид и разрушение прицельное.

Не буду углубляться в историю Камбоджи. Пол Пота тоже нет уже несколько десятилетий. Но вот что пишет об этой стране «Черная книга большевизма»:

«В душах миллионов сегодняшних камбоджийцев время Пол Пота оставило незаживающий след...

Большая часть страшных социальных язв, до сих пор разъедающих камбоджийское общество: повальная преступность (с широким распространением огнестрельного оружия), всеобщая коррупция, отсутствие всякой солидарности, каких-либо общих интересов – является следствием разразившейся 20 лет назад страшной катастрофы.» [170].

Как знакомо!

Причина – не социализм — геноцид и чудовищное надругательство над личностью, изощренная жестокость и зверства, ломка вековых устоев, человеческих отношений, связей, родства, разрушение не только нравственности, но и психики человека, его миропонимания.

Над Камбоджей полпотовщина пронеслась страшно, но относительно быстро. Сталинизм был долгим и въедливым. Он достигал и насиловал человека не только в тюрьмах и лагерях, но на любом месте под солнцем и на протяжении всей жизни, от горшка до седых волос. Одних он заливал кровью насилия, других умищал елеем лжи. Сталинщина въелась в геном народа. И все, что зарождается новое, уже в зародыше несет эту черную болезнь. Этим объясняется почти все, что происходит в стране.

Мы пережили очередную историческую катастрофу во время перестройки. Это третья российская катастрофа в течение одного столетия: революция, сталинщина, «перестройка». В отличие от двух первых, третья катастрофа почти бескровная, но из этой последней мы четверть века не можем подняться. Почему? – Истощены силы народные, убита созидательная активность, работает только разбой. – Почему?

По-видимому, такое историческое прицельное вытаптывание, удушение, вытравление, уничтожение, избиение, изгнание в течение нескольких поколений не проходит безнаказанно, без тяжелых исторических и генетических последствий. Такие катастрофы меняют «тело» народа, его дух, его историю.

Изнутри народ этого почти не видит, не может: не видит целостной картины, видит лишь отдельные уродства сохранившимися островками своего здорового зрения. Это можно увидеть только со стороны.

Большевизм не породил новых черт в российском характере. Он просто «перепрограммировал» российский геном.

В России всегда был уголовный элемент. Но в целом в народе это был достаточно тонкий слой. Революции, войны, сталинские лагеря и тюрьмы создали в России мощный уголовный пласт. Уголовщина калечила, уродовала здоровое. Она отравила, пропитала своим духом нищую народную толщу в городе и деревне, отравила армию, и очиститься от этой скверны, особенно в условиях очередных исторических бедствий, России не удастся.

В 19-ом веке в России в нужный момент с трудом нашли одного палача. Сталин создал в своих «органах» десятки тысяч палачей разных мастей. – Это изуродованная психика народа, его сатанинский дух. Давно нет Сталина, но палачи живучи. Они остались в лагерях, в тюрьмах, колониях, влились в уголовную жизнь, в жизнь различных силовых и контролирующих структур и просто в народную толщу.

В России всегда было воровство. Но такого бесстыдного, всепронизывающего, всеобщего и разноформного, от самых верхов общества до самых низов – ничего подобного Россия не знала. В России было другое:

«Нищий вывесил портянки сушить,

А другой нищий портянки украл...»

А это новое, советское социалистическое «деловое» воровство, которое определило лицо нашей «перестройки», родилось в брежневские времена. И зародилось оно в сталинской партии – партии «кнута и пряника». (СЕГОДНЯ ВСЕПРОНИЗЫВАЮЩАЯ КОРРУПЦИЯ, ВОРОВСТВО ВСЕХ ФОРМ И МАСШТАБОВ ЯВЛЯЕТСЯ УГРОЗОЙ НАЦИОНАЛЬНОМУ ВОЗРОЖДЕНИЮ РОССИИ).

В России – огромной чиновничьей державе всегда было взяточничество. Но всепронизывающая коррупция сегодняшней России – это, наверное, вообще «новое слово» в истории цивилизованных стран..

Корни ветвисты у этого огромного, разрушительного, ВСЕРАЗЪЕДАЮЩЕГО ЯВЛЕНИЯ; коррозия совести в государстве атеизма и воинствующего бандитизма, привычка к всеобщему воровству последних десятилетий, как основному возможному источнику дохода; усталость от нищеты; навалившаяся на нас новая беда – всевластье денег, но самое главное – это ОТНОШЕНИЕ К ЧЕЛОВЕКУ – САМОЕ СТРАШНОЕ НАСЛЕДИЕ СТАЛИНЩИНЫ.

Россия никогда не дорожила человеческой жизнью. Так сложилось исторически. Это было подспудно, в подсознании, не целенаправленно. Если на Западе исторически был примат становления личности, человека, в России было становление страны, Родины. В жертву этому приносилось благополучие и счастье семьи, удобства быта, здоровье, жизнь.

Сталинизм свел ценность человеческой жизни (в очередной раз обесцененной революцией в пользу «светлого будущего человечества») к нулю. Осознанно. Лозунгово. Сделал уничтожение человека, миллионов людей и целых народов – уничтожение физическое и мораль-

ное, их избиение, раздавливание, отстрел – партийным, идеологическим, общественным делом и долгом. Человека уничтожали насилием, унижали ложью и страхом, нищетой, скрытым неравенством. Это невиданное отношение к человеку вошло в натуру, мировоззрение в исторически подготовленный выморочный геном народа.

Что же мы взываем (к чему, кому?) и воем на нашем нравственном пепелище о том, что нас все обижают: правительственные структуры, олигархи, чиновники всех мастей, продавцы на рынках и в магазинах, ГАИ на дорогах, ЖКХ, врачи, экзаменаторы, производители лекарств и продуктов питания?! А уважение, сочувствие, честность, взаимопомощь встречаются реже, чем крупинки золота в отработанных, ранее золотоносных, песках. Стыд исчез как категория...

В таком обществе возможны любые преступления: воровство любых форм и масштабов, обман, коррупция; убийства, заказные и безмотивные; преступления в производстве, в тюрьмах и лагерях; на дорогах – как тех, кто за рулем, так и дорожно-постовых служб; в медицине – взяточничество врачей – обдирание нищего населения в критических ситуациях (или преступное равнодушие); в образовании – взятки в вузах, продажа учебных мест, оценок, дипломов – сферы и формы этих преступлений можно перечислять бесконечно. (Особый вид «бизнеса» – обман, ограбления, вплоть до выселения и даже убийства стариков-пенсионеров. Фантазия и размах этих «деятелей» поражают). Ими разъедено все общество. Все продается и покупается. Это нравственный распад, разложение, развал. Его суть – отношение к человеку: ни перед кем не стыдно, никого не жаль...

Уже рождается третье поколение после смерти Сталина, у нас уже другой общественный строй, а сталинщина не уходит. Почему?

В начале «перестройки» немногие, оставшиеся в живых жертвы сталинского террора, живые силы общества (интеллигенция, молодежь), получившие возможность говорить, попытались провести исторический суд над большевизмом, главным образом, над преступлениями Сталина (над Сталиным). Однако их усилия разбились о железные ряды большевиков и тупое безразличие привыкшего молчать общества.

Преступления сталинского режима остались неразвенчанными. Им не дана была ни общественная, ни историческая, ни моральная, ни религиозная оценка. С тех пор прошло 20 лет. Жертвы сталинского режима, свидетели их уже практически ушли из жизни. Для новых поколений это уже история, причем мало известная, ибо общество об этом молчит, а учебники преподносят неусвояемое варево из несовместимых элементов правды и лжи.

Казалось бы, ситуация стабилизируется, все успокаивается, уходит в песок забвения.

Но это опасное спокойствие.

Мир, особенно западный, воспринимает нас, как дикарей, рабов. И никогда не будет смотреть на нас иначе, пока мы официально не осудим преступления Сталина перед человеком и человечеством, как Германия осудила преступления Гитлера. И все преступления, совершенные Сталиным по отношению к народам Прибалтики, Бессарабии, Восточной Европы приписывают всему русскому народу. И бессмысленно говорить: «Сталин – это не русский народ». Мы его чтим – значит, одобряем его дела...

Но как ни странно, страшнее взгляда на нас извне взгляд изнутри.

В старшем поколении кто-то прожил мучительную жизнь, кто-то спился, кто-то закалился в этой суровой схватке с жизнью и вышел из нее победителем. Но новое поколение, перед которым теперь открыт весь мир, не может не сравнивать благополучие, благоустроенность, процветание цивилизованного мира с нищетой, смрадом разнообразных преступлений и беспросветностью жизни в огромной, казалось бы, такой богатой, такой несостоятельной России. Они не знают, почему она такая. Они легко, без вопросов и сомнений восприняли ненависть к России Запада и либералов-прозападников, транслирующих эту ненависть. Молодежь не знает, почему Россия такая. Она понятия не имеет, какую масштабную, в сущности, смертельную историческую катастрофу пережила Россия в 20-ом веке. (От той истории

России, которую они изучают, в голове каша, смута, в которой нет желания (и возможности) разобраться, – просто хочется отвернуться и забыть). Россия сейчас едва жива. Но вряд ли нашлась бы на планете еще какая-либо страна, которая могла бы выжить в такой катастрофе. Только российский люд, закаленный своей историей, мог выживать, закрывая своим телом, компенсируя напряжением всех сил, смывая своей кровью преступные дела, просчеты, провалы своего Правителя, его режима, его соправителей. Это народ – герой. Он выстоял в этой борьбе. Он ранен в этой борьбе почти смертельно. И он стоит на пепелище. Если бы не катастрофа 20-го века, Россия была бы одной из самых процветающих стран мира – с ее неисчерпаемыми талантами, которые уничтожены или изгнаны и работают на процветание других стран; с ее необозримыми просторами и богатейшими недрами. Но... сегодня эта страна едва жива.

Если бы эти молодые люди знали, что это не природа России, а это ее тяжелое нездоровье, что за эту страну можно болеть, что ею можно гордиться, что помочь ей возродиться, подняться – дело чести и долга каждого рожденного в ней, они меньше бежали бы в красочные благополучные спокойные страны из этой серой неприютной страны, в которой им так не посчастливилось родиться. Россия им не мачеха, а мать, но мать больная, которую можно и нужно, необходимо лечить.

И еще. Страна поднимается очень трудно, скользя по гноищу, спотыкаясь о руины, больше моральные, чем физические, хотя и последних не счесть. Мир окружающий неустойчив, непредсказуем. И при любой заварухе, любом перенапряжении в обществе, если раздастся клич: «К стенке!» – никто не удивится... (Что невозможно представить в любой цивилизованной стране).

Но мы (страна в целом) всего этого не понимаем и понимать не хотим. Ибо мы сотворены «им» ... (Вот чему действительно надо учиться у Сталина, – так это воспитывать новые поколения: так воспитал, что и в третьем поколении не рассасывается...)

Апологеты Сталина говорят, что Сталин – наша история. Кто же может это отрицать? Но это история, которую мы не осмыслили, не дали оценку – ее героям и анти-героям. История, в которой историки, которые ее пишут, крупницы правды замешивают на лжи. 9-го Мая коммунисты выходят на праздник с портретами своего вождя! Но когда будет написана настоящая правда о Великой Отечественной войне, героической и трагической войне нашего народа, портрет Сталина на Празднике Победы может появиться только перечеркнутый черно-красным (окровавленным) крестом...

Один из главных доводов энтузиастов с портретами: нельзя вычеркнуть из истории, потому что солдаты в этой войне шли в атаку «За Родину!», «За Сталина!».

Я уже писала, что вполне допускаю, что этими лозунгами бойцов поднимали в атаку комиссары – им так полагалось. Может быть их выкрикивали мальчишки, только что прибывшие на фронт. А ветераны, которые действительно ходили не раз в атаку, говорят, что никогда ни один солдат не шел с таким лозунгом в бой, что только те, кто близко не бывал в обстановке боя, кто не имеет представления, что такое атака, может такое утверждать. А другие ветераны говорят, что солдаты иногда кричат или шепчут «мама»...

А если уж переходить к лозунгам сталинских времен, можно много наскрести там «интересного». Правдивых лозунгов не было вообще, разве только призывы местного значения. А что касается Сталина... об этом сказано выше.

И еще один довод тех же лиц, пекущихся об исторической «справедливости» в отношении к Сталину: Сталин стоял во главе страны во время ВОВ. Этого уж никто не станет оспаривать. А теперь еще раз попытаемся хотя бы бегло взглянуть на то, как это было.

Не нужно читать исторических исследований, не нужно знать цифр. Нужно взять собственную голову в руки и подумать.

Сталин пришел к власти в 1923 году, Гитлер – в 1933. И Россия, и Германия были разрушены ПЕРВОЙ Мировой войной (особенно, Германия), революциями. Германия в момент

прихода Гитлера к власти была в тяжелейшем экономическом кризисе. Оба готовились к войне. Сталин в течение 3-х пятилеток создавал оружие, (на это уходили все силы народные, все богатства страны, на войну работали бесплатно миллионы рабов «М. Зоны»; индустриализации отдавала все силы нищенствующая «Б. Зона» – не развивалась легкая промышленность, не строилось жилье, и к моменту начала войны у Сталина было значительно больше оружия, чем у Гитлера. Как же случилось так, что маленькая Германия сумела поднять всю Европу, а в России она через 3 месяца взяла в кольцо Ленинград, через 4 – стояла под Москвой, разглядывая Кремль в бинокли, оккупировала всю огромную европейскую часть СССР и остановлена была только на берегах Волги?! В сущности, этого достаточно для мозгов, которые способны задумываться. Но можно немного и добавить.

Все оружие пришлось делать заново. И оно сделано было там, где до этого не было никакой индустриализации, в снегах Сибири, в песках Казахстана, практически руками стариков, женщин и детей. (Часть заводов была разобрана в европейской части и собрана на новых местах заново, но более трети заводов были созданы с нуля – всего по 2,5 завода в день!) Через 1,5 – 2 года оружия у СССР было в 2 раза больше, чем у немцев, и оно было лучше по боевым характеристикам. (Это оружие делалось в бедствиях тяжелейшей войны и не лозунгами Сталина, а собственной волей героического несгибаемого народа, и не за 10 лет, а за 1,5 года – под руководством специалистов руками женщин, мальчиков, стариков!) А на фронтах, в великой крови, в тяжелейших боях выковывались новые военные кадры взамен уничтоженных Сталиным, которые, вооруженные новым оружием, повели наш народ к великой победе.

В течение войны немцы потеряли 6 миллионов своего населения, Россия – более 48 миллионов, из них немецкая армия потеряла в России 1,5 миллиона, а наша армия 27,5 миллионов, т.е. на каждого немца по стране мы положили 8 человек, а на каждого немецкого солдата – 18 своих солдат. (Не важно, насколько точны эти цифры – порядок величин такой). И вряд ли мы победили бы даже такой великой кровью, если бы не наши великие просторы, жестокие русские морозы и помощь Запада (в начале войны) – при таком Великом и Мудром, Боготворимым многими Отце народов.

Он не просто проиграл войну, он совершил тягчайшее военное преступление, которое величайшей кровью и беспримерным героизмом, и напряжением всех сил своих народ перекрыл. Но об этом написано в другой главе.

Что же, будем чтить или повесим его портреты вверх ногами?!

Сталин вот уже 50 лет «накатывает» и «откатывает» в нашем обществе, как цунами, как результат тайных вулканических процессов, происходящих в политических наших глубинах. И мы не знаем, что готовит нам день грядущий...

(Европа никогда не победила бы Гитлера, как некогда не победила Наполеона. Она откупилась бы от него территориальными или иными уступками: она слишком дорожила жизнью своих сограждан. Да Гитлер и не уничтожал Европу – он ее подчинял (но ведь это тоже унижение...), а Россию он уничтожал, поработал, и Россия стояла «на-смерть», она «не стояла за ценой». И выстояла! И освободила Европу! А потом освобожденные от фашистов земли сдавила «железная кровавая лапа» Сталина. Для европейцев она во многом была страшнее гитлеровской. Поэтому нас, освободителей, до сих пор так ненавидят некоторые европейцы.

В 2015 году мы будем отмечать 70-летие Победы. И в каком виде явим мы стране и миру «Творца» этой Победы?! Может быть, вернем Волгограду имя «Великого Сталина»?! – Ну, что ж, может быть и стоит подчеркнуть, что именно с его именем связано то, что немцев остановили только на Волге, да к тому же – какой ценой! А может быть, все же не надо. Пусть не звенит над Россией проклятьем это страшное имя. Может быть, стоит, наконец назвать ИСТИННОГО ПОБЕДИТЕЛЯ – ВЕЛИКИЙ РОССИЙСКИЙ НАРОД, победивший ВОПРЕКИ «его» беспрецедентным историческим преступлениям.

Гулаг

Сказать о строительстве сталинского социализма и не сказать о ГУЛАГе – это почти не сказать ничего. ГУЛАГ – огромный «Архипелаг ГУЛАГ» в значительной мере определял лицо нашего социализма, нашу «перестройку», наш сегодняшний день. Сталинский ГУЛАГ – это было нечто новое, доселе невиданное в человеческой истории.

Как-будто сама география и природа России предопределили ее судьбу, ее самоуничтожение: миллионы квадратных километров тайги, тундры, пустынь, болот, вечной мерзлоты; сибирские лютые морозы, мошка, дыхание огромного Ледовитого океана и пыльных суховеев казахских необозримых степей и пустынь. Под этой вечной мерзлотой, болотами, песками залегают основные богатства России. На этих просторах пророс десятками тысяч лагерей ГУЛАГ – последнее звено в цепи: арест – тюрьма – этап – ГУЛАГ – (смерть) – в цепи душегубки, уготованной Великим Отцом народу российскому.

Сначала сталинская карательная машина осваивала русский Север.

В 15 – 16-ом веках (в золотые века русской святости) православные монахи (ученики Сергия Радонежского) двигались на север. Они уходили от мирской жизни на озера, острова, в северные леса, основывая там монастыри, вокруг которых образовывались поселки ремесленников, крестьян. Тут складывался мир Русского Севера, единства власти и церкви. Соловецкий монастырь – символ христианского подвижничества и русской святости. Именно в Соловецком монастыре большевики организовали первый концлагерь СЛОН: Соловецкий Лагерь Особого Назначения. Именно туда пошла на «перевоспитание», на «перемол» великая российская интеллигенция, весь ее цвет, все то, что не было выброшено за рубеж на знаменитых ленинских кораблях. Там зародилась и поползла по России проказа ГУЛАГа. Это был акт особого надругательства и кощунства.

«В конце 20-х годов по стране прошла мощная волна арестов, жертвами которой стали ученые-гуманитарии, инженеры, экономисты, члены бывших политических партий, давно отошедшие от всякой политики, представители духовенства, творческая молодежь. Религиозно-философские искания русской интеллигенции советская власть объявила контрреволюционным заговором, а на попытки студентов выйти за рамки марксистско-ленинской теории отвечала репрессиями и погромами.

Работавший на строительстве Беломорско-Балтийского канала лесорубом Вацлав Дворжецкий, будущий Народный артист России, был арестован в 1929 году по делу молодежной организации, называвшей себя «Группой освобождения личности» ... Спас Дворжецкого лагерный «крепостной» театр, где ему иногда удавалось выступать. Партнерами по сцене были такие же подневольные артисты, часто весьма известные и талантливые.

Вместе с Епископом Федором Поздневским и Президентом московского математического общества Д. Ф. Егоровым был осужден в 1931 году по делу так называемого «религиозно-политического центра» выдающийся философ, университетский профессор Лосев. В Беломорско-Балтийском лагере он почти ослеп, потерял здоровье, испытал невероятные моральные унижения... Всю жизнь уединявшийся и избиравший самое изысканное общество, московский профессор вдруг оказался среди преступного мира, в «бараках и палатках, где люди набиты, как сельди». «Как только начну подыскивать образ, который наиболее точно выразил бы мое существование, – делился лагерными впечатлениями ученый, – всегда возникает образ „дрожащей твари“, какой-нибудь голодной и избитой собаченки, которую выгнали в ночную тьму на мороз» ... Но Лосев оставался ученым даже за колючей проволокой. На лекции, которую он читал в клубе для сотрудников ГПУ, на которую были допущены все желающие, зал был полон. Многие стояли. Лекция была о принципе относительности Эйнштейна с философской точки зрения... Лектору устроили овацию. Кроме того, Лосев читал в лагере

курс лекций по истории материализма, участвовал в работе кружка «друзей книги», и все это в дополнение к изнурительному ежедневному каторжному труду.

Вместе с Лосевым отбывал наказание секретарь Русского географического общества, сотрудник Пушкинского Дома А. А. Достоевский, внук Ф. М. Достоевского. Десятки выдающихся ученых, осужденных по ложному «делу Академии наук», работали на строительстве канала инженерами, техниками, а то и простыми рабочими».

Будущий Академик Дмитрий Сергеевич Лихачев попал в Соловецкий концлагерь за участие в студенческом кружке «Космическая Академия Наук».

«... он не только сумел выжить сам, приспособившись к античеловеческим условиям лагерной жизни, но и спас от верной смерти несколько сотен подростков, которых взял под свое покровительство. ... там, в северных концлагерях. Он сумел выработать в себе жизненную наблюдательность и даже смог незаметно вести научную работу.

...В декабре 1937 года в Беломорско-Балтийском лагере по приговору особой тройки НКВД... был казнен православный богослов, философ, математик, профессор П. А. Флоренский» – русский Леонардо... [171].

20-е годы сохраняли в культурной жизни России инерцию развития Серебряного века. То, что не погибло в Первой Мировой, революции и Гражданской войне; то, что не схлынуло за рубеж, пыталось выживать в новой России. К этим остаткам прежней культуры присоединились ростки новой, «пролетарской» культуры. Все это бурлило, боролось, искало новые пути в искусстве, литературе, поэзии, в науке – в новой нестабилизировавшейся, неопределившейся еще жизни. Вот этот бурлящий сомнениями, поисками, энтузиазмом, вопросами интеллигентский слой первым схлынул в концентрационные лагеря на европейском Севере России.

Для большевизма интеллигенция всегда была не менее опасна, чем буржуазия, ибо интеллигенция не была загипнотизирована марксистскими идеями, а ленинские методы воплощения их в жизнь отвергала. Поэтому для Ленина интеллигенция была «говно», а для Сталина – враг!

Лагерный Север – это было продолжение ленинского террора и начало сталинского, который круто набирал обороты и продолжался в течение всей его жизни до последних дней. (Смерть оборвала его очередные грандиозные «задумки» ...)

Террор набирал обороты – просторов российского Севера было уже недостаточно. Но у России была Сибирь...

Сибирь – удивительный край, суровый, величественный, богатейший, в котором свободный человек может жить зажиточно, богато, счастливо, широко. Но и царская Россия превратила Сибирь в край ссылки и каторги, а Сталин этот пустынный и суровый край густо населил ЖЕРТВАМИ И ПАЛАЧАМИ.

Жертвы – это все лучшее, что создала и продолжала создавать Россия: интеллектуалы всех видов этого труда – ученые, академики, профессора, конструкторы, руководители государства, промышленности, сельского хозяйства, просвещения, священники, инженеры, врачи, чины Красной Армии, писатели, журналисты, переводчики, актеры, музыканты, художники, все «бывшие» – аристократы, купцы, крупные чиновники, буржуа, чины и солдаты Белой армии, умелые крестьяне, передовые рабочие, студенты и даже школьники – и несть им числа – все, что выделялось способностями, талантами, активностью. Сюда же влились все иностранцы, политические иммигранты, коминтерновцы и связанные с ними.

В любом дыхании зарубежья, даже самом слабом, Сталин чувствовал для себя смертельную опасность. Поэтому уничтожались не только иностранцы, но и соотечественники, у которых были родственники за рубежом, самые дальние, с которыми давно не было никакой связи; все, кто выезжал за рубеж, на конференции, по служебным делам, вел с кем-нибудь за рубежом когда-либо профессиональную переписку, все, в ком была примесь «иностранной» крови и т. п..

Палачи – это была огромная армия, более, чем миллионная, по некоторым данным, полутора-миллионная, постоянно обновлявшаяся: надсмотрщиков, начальников лагерей, ВОХРовцев, натасканных на ненависть к жертвам, извращенных этой ненавистью, одуревших от запаха крови, от беспредела творимого ими насилия, но тоже находившихся под «дамокловым мечом» той же машины, жерновами и жертвами которой они были, ибо она истребляла их еще более жестоко, чем они свои жертвы, если они были к ним недостаточно беспощадны.

Но этой злобы было недостаточно тому, кто создал эту мясорубку. В помощь этой своре матерых мучителей был дан огромный контингент уголовного отребья, которого в невиданном количестве наплодило суровое время Первой Мировой войны и кровавой Гражданской, неисчислимо сиротство и нищета поверженной страны. Эти «отбросы» больного общества сливались в ГУЛАГ, за колючую проволоку.

Большевистская революция взбудоражила общественное «дно». Вскормила его, размножила и развратила. В определенный момент вся эта публика, отыграв свою историческую роль на революционной сцене, должна была со сцены уйти: она стала ненужной и даже опасной. Она ушла в тюрьмы и лагеря. И там ей, «социально близкой» была уготована большевиками новая, «социально-полезная», историческая роль.

Цвет нации был опасен Узурпатору власти. Этот цвет должен был быть уничтожен. Слой опасных оказался чрезвычайно богатым – многочисленным и многоликим.

Для его уничтожения потребовалась многотысячная армия мучителей и убийц. И этого добра оказалось в послереволюционной России тоже сверх меры.

Все, что не было расстреляно на местах, сбрасывалось в обширные отдаленные непригодные или мало пригодные для жизни места. Этот «сброс» оказался столь масштабным, что внутри одной огромной страны образовалась вторая огромная страна – «Зона». Зона тысяч концлагерей. Для управления ею в 1930 году был создан ГУЛАГ (Главное управление лагерями). Появилась страна ГУЛАГ, которую позднее А. И. Солженицын назвал «Архипелаг ГУЛАГ», тайная, засекреченная страна с засекреченной картой и секретной деятельностью.

Империя ГУЛАГа занимала, вероятно, значительно большую территорию, чем Центральная Европа: территории тундры, Новой Земли, Таймыра, Колымы, Коми АССР, Пермского края, тайги, Казахстана и других гиблых мест. (Бассейн Печоры занимает большую территорию, чем Британские острова; Бассейн Колымы – самой холодной заселенной территории планеты равен по площади Украине. На всей этой необозримой территории плотными метастазами раковой опухоли, разъедавшей страну, разрастались лагеря ГУЛАГа.

Мясорубка ГУЛАГа интенсивно функционировала более двух десятилетий: с 1936 по 1954 год, – ее жернова раскручивались быстрее или медленнее, в зависимости от интенсивности террора. Срок жизни арестованных был короток, смертность в особо страшных местах ужасающа. При интенсивности и хаосе арестов на всей территории СССР, при массовых расстрелах, массовой гибели эков на этапах трудно представить, что реальные цифры, учитывающие побывавших в этих местах, выживших и умерших, где-то существуют. А если где-то и были какие-то списки, большинство из них, наиболее «впечатляющих», наверное, уничтожено.

Однако, если исходить из того, что население «Архипелага ГУЛАГа» одномоментно составляло от 8 до 10 миллионов человек, то не нужно чрезмерно напрягать воображение, чтобы представить, сколько миллионов (десятков миллионов?) жизней перемолола эта мясорубка за 20 лет борьбы с «врагами народа» и страной в целом.

Население этой новой невиданной страны оказалось столь велико, а недра ее столь богаты, что Великий и Мудрый Отец народов решил добывать необходимые (прежде всего для военных целей) полезные ископаемые, недоступные ущербной экономике социализма в силу слишком высокой стоимости их добычи в этих условиях, бесплатно – руками рабов-смертников.

«Малая зона» превратилась в ОСОБУЮ ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ЗОНУ, в которой добывались уголь, нефть, золото, серебро, олово, никель, вольфрам, уран; в ней строились шахты, поселки и города, автомобильные и железные дороги. (Только территория Колымского Дальстроя вчетверо больше Франции). Это была «зона»строек «коммунизма»

Но и в этом «благом» деле было больше ненависти, чем здравого смысла. «Хозяин» хорошо помнил, что эки пришли туда не работать и строить, даже на безопасном от него расстоянии и выгодных для него условиях, а вымирать. Нормы они получали невыполнимые даже для здоровых, хорошо одетых и сытых людей. Соответственно, и пайка их, исходно не рассчитанная на продолжительное существование, сокращалась до уровня не совместимого с жизнью. На общих работах они выдерживали 2 – 4 месяца. На..шахтах – от 2-х недель до 1 – 2-х месяцев, в зависимости от условий и времени года.

Какая могла быть производительность и срок жизни?! На магаданских приисках, где зима длится 8 – 10 месяцев, а морозы достигают 70 градусов, работали и в 50-градусные морозы. Эки, голодные, полуживые, плохо одетые, разводили костры, рубили лед, топили его на кострах, разогретой водой намывали золото...

На урановых рудниках работали без защиты. Кочережками мешая, сушили уранид. Смена – 4 часа. Через 20 смен – перевод в особую зону – умирать...

Производительность труда эков составляла 10 – 20% – максимум 50% от производительности труда вольных, а с учетом высоких оплат бесчисленной охраны и прочих отборных служб НКВД (на каждого работягу в среднем приходилось 1,5 единицы прислуги) этот труд был убыточным, не говоря уже о том, что земляные работы с помощью тачки, кайла и лопаты выполняли лучшие умы и специалисты России, вырванные из нормальной жизни и действительно полезного профессионального труда на благо России. Техника им тоже не полагалась, даже та, которая была в то время в распоряжении лагерей.

Эти «стройки», с такой скоростью перемалывавшие своих рабов, требовали все новых и новых вливаний – темп арестов не всегда поспевал их удовлетворять, в результате чего стали арестовывать по разнарядке, уже не «ярких», «торчащих», опасных, а подряд, иногда целыми деревнями. (Это было не сложно в те времена: «Был бы человек, а статья найдется», – поговорка тех лет)

«Один из сотрудников НКВД однажды на запрос на заключенных на срочные военные работы заявил: «Что нам делать? Факт тот, что мы пока НЕДОВЫПОЛНЯЕМ ПЛАНЫ ПО АРЕСТАМ (плановое социалистическое хозяйство!). Спрос на рабсилу превышает предложение.» [172]. (Курсив мой).

Соплю этой мясорубки всасывало эков сотнями тысяч и без задержек выбрасывало трупы.

Вот что пишет об этой империи Р. Конквест: «... по самым надежным оценкам, в 1941 году (когда население лагерей было, кстати сказать, не очень большим) лишь 400 тысяч заключенных были заняты лесоповалом. Остальные распределялись по следующим главным категориям: горношахтные работы – 1 миллион; сельское хозяйство – 200 тысяч; поставка заключенных предприятиям по договорам – 1 миллион; сооружение и обслуживание лагерей – 600 тысяч; изготовление лагерного инвентаря – 600 тысяч; строительные работы – 3 миллиона 500 тысяч. [173].

Это одновременное пребывание в лагерях 7 миллионов 300 тысяч человек – в 1941 году, когда уже был пройден пик арестов 1937 – 1939 годов.

«Почти все арестованные в 1936 году исчезли с лица земли к 1940 году... в 1939 и 1940 годах госпитали заполняли, главным образом, пациенты, осужденные в 1937 – 38 годах, но к 1941 году их осталось уже очень мало.» [174].

Десятки тысяч были расстреляны, в 1941 году часть заключенных была отправлена на фронт, ученые – в «шарашки». Интенсивность арестов в начале войны несколько снизилась.

Она взлетит резко в послевоенные годы, когда в лагеря отправятся военнопленные, репатрианты; люди, бывшие на оккупированной территории; в лагеря и ссылки пойдут переселяемые народы.

После ужасов тюрем, пыток, этапов дожившие, дошедшие до лагерей ГУЛАГа поступали туда сломленными, обессиленными, больными и попадали сразу в условия холода, голода, насилия надсмотрщиков и САМОЕ ГЛАВНОЕ – В ЛАПЫ НАСИЛЬНИКОВ – УГОЛОВНИКОВ, которых боялось даже лагерное начальство. Это последнее звено, несомненно, придуманное «самим» (он хорошо знал этот мир) было самым мучительным и гибельным. (В дореволюционных тюрьмах везде: в тюрьме, на этапе, на каторге – запрещалось соприкосновение политических с уголовниками). Здесь политические были отданы во власть этому отребью. На этом оно жирело, матерело, набиралось наглости и бесстрашия и с «хрустом» пожирало свои жертвы: отнимало у них теплые вещи, пайку, заставляло их выполнять за них и без того не выполнимые нормы, проигрывало их в карты, убивало, резало, давило. (1938 год – пик Большого Террора – звездный час блатарей, великие «университеты» и взаимное обучение блатарей и ВОХРа!).

В лагерях запрещалось носить меховую одежду. Только ватники. Валенки были заменены парусиновой обувью. Все шерстяные вещи переходили в лапы блатных. Все это быстро вело к гибели политических. Там, где 58-я оказывалась без уголовников или последних было мало, она умудрялась выживать даже в тех же условиях голода, холода и невыполнимых норм. Там им жизнь продлевал ДУХ, который прежде всего выбивала, вытаптывала вся эта система уничтожения, а в лагерях – охрана и уголовщина.

(В. Шаламов пишет: «Я видел, как изнемогали и умирали наши лошади – я не могу выразиться иначе, воспользоваться другими глаголами. (Дорогу лошадям в снегу торили люди: 14 кубометров – норма. Не выполнил – карцер. Карцер чаще всего – мучительная смерть, иногда – ненадолго отсроченная.) Лошади ничем не отличались от людей. Они умирали от Севера, от непосильной работы, плохой пищи и побоев, и, хоть всего этого было дано им в тысячу раз меньше, чем людям, они умирали раньше людей. И я понял самое главное, что человек физически крепче, выносливее всех животных... потому что заставил свое духовное начало успешно служить началу физическому». [175].) Потому-то «они» с такой яростью вытаптывали это духовное начало. (Человек восстанавливается после клинической смерти, но после смерти личностной восстановиться, по-видимому, невозможно).

Эта система невиданного насилия, конгломерат всех возможных видов унижения и уничтожения человека лишала их сил, разобщала, обрекала на вымирание поодиночке. И тем не менее, пока хоть какие-то остатки сил теплились в их душах, они сопротивлялись, они общались, они думали, вспоминали, даже творили (писали в память), читали лекции, играли в театрах.

ТЕАТР, как и поэзия, занимает особое место в русской культуре. «Хозяин» любил театр. Поэтому он оставил в великом русском театре то, что не выходило за рамки традиций, не грозило новациями, инициативой, и тем не менее, в ГУЛАГе оказалось огромное количество творческих работников: писателей, журналистов, актеров драматических театров, театров оперы, оперетты, балета, певцов, музыкантов, художников и просто высокообразованных талантливых интеллигентов. И в ГУЛАГе был прекрасный театр. НКВДэшники, ВОХРовцы, загнанные службой в эти глухие места, тоже были рады театру. Но это не значит, что они освобождали актеров от лагерных работ. (Надо полагать, даже просто боялись). В театре они работали после 12 часов лагерных работ в холоде, голодные, но творческая работа поддерживала их силы. Они тоже умирали, но все же жили дольше за счет тех крох человеческой жизни, которые им выпадали в этом аду.

Плотность талантливого люда в тех местах была выше, чем в самых цивилизованных точках земного шара. И, наверное, не меньше, чем в обеих столицах. Правда, они быстро

вымирили... Не так просто было отыскать необходимых театру людей среди серозеленых опухших от голода и морозов лиц, среди доходяг в лохмотьях, еле таскающих ноги. Но находили, а где недоставало профессионалов, их заменяли талантливые интеллигенты, знающие театр, литературу, музыку; иногда (редко) актерами становились даже уголовники. Наверное, актеров все же снимали с «общих» смертельно опасных работ, ибо, при самом большом энтузиазме, они не сочетались с игрой на сцене. Может быть, поэтому сведений о театрах в «Зоне» (в записках выживших!) гораздо больше, чем о лесоповале и рудниках: тут выживших практически не было... (А те, кого не отыскивали в массе доходяг: балерины, певцы, актеры, музыканты – валили лес, возили навоз, строили дороги...)

Высокие чины НКВД имели возможность выписывать костюмы даже из Большого театра. И в лагерных театрах были такие постановки (и такие актеры!), на которые приезжало посмотреть не только местное, но и краевое и даже московское начальство!

Там ставились не только драматические произведения, но и оперетта, и опера, и даже балет.

Вот отрывки из записок Татьяны Лещенко – Сухомлиной [176] – журналистки, актрисы, певицы. В сорок седьмом арест, тюрьма, Воркута. Ей повезло: она была определена в воркутинский лагерный театр. «Для «58-й» театр – это были глотки кислорода, но даже блатари иногда затихали, а уголовницы плакали и смеялись... Были спектакли, доставлявшие истинное удовольствие даже искушенным театрам, людям, избалованным лучшими московскими постановками...

Передо мной вереницей проходят актеры, хористы, оркестранты, рабочие сцены.

С Евгенией Михайловной Добромысловой, взятой из Ленинграда... мне было приятнее и легче, чем с другими. Она прекрасно играла на рояле...

Ярко выделялась среди нас московская балерина Лола Добржанская... Блатные обожали Лолу, и все в театре ее любили. Она была лихой гусар, бесстрашно, великолепно прыгала вниз с большой высоты на сцену, и на лету ее подхватывал танцовщик Ванечка Богданов, москвич, из заключенных. Это было в «Холопке».

Георгий Иванович Жильцов, хормейстер Воркутинского театра, в прошлом учитель из Читинской области.

Коля Сорока попал на войне в плен, бежал из немецкого лагеря в Италию, где партизанил, а после войны вернулся на родину. Тут его сцапали и препроводили на «вольную высылку» в Воркуту. Он играл на скрипке, а когда умер Георгий Иванович Жильцов, Коля Сорока стал нашим хормейстером.

Костя Иванов тоже был в плену и бежал и также попал на Воркуту, но в лагерь. Красивый, высокоодаренный актер, хороший человек, ленинградец... в театре не было места хамству, подсиживанию. Даже доноительство, по-видимому, не очень процветало.

Дирижеров было двое! Виельгорский из Киева и Микоша из Москвы. Оба были консерваторы, профессиональные музыканты, хорошие люди...

Шли оперы «Евгений Онегин», «Паяцы», сцены из «Князя Игоря», оперетты «Холопка», «Вольный ветер», «Сильва», «Веселая вдова», «Свадьба в Малиновке»; пьесы советские и классические, список столь длинный, что не упомяну...» [177].

Город Воркута за полярным кругом, на вечной мерзлоте.

Они работали в тепле, в театре, но они были эки, они голодали, жили в бараках с их лагерным укладом, ходили под конвоем. Они вымирили от болезней, от физического и нервного истощения, кончали жизнь в петле...

Когда любимица театра и зрителей Лола Добржанская умерла от желтухи, ее не сбросили, по обыкновению, в грабарку. Ее положили в гроб, обитый серебряной бумагой, который ей сделали в театре. Но провожал ее гроб один конвойный...

И какой же русский не любит театр?

Может быть, Хозяин, сам любивший театр, заботясь о верных своих «подельниках», загнанных его волею в эти Богом забытые места, создал там такую плотность театральных талантов, чтобы после трудов эковских на благо социалистической Родины они могли развлекать своих палачей?!

Эдди Рознер – гений джаза. Он играл на трубе на Соловках для эков, бегающих с тачками по деревянным настилам. Играл бодрящие мелодии и грустные, в которых звучала извечная еврейская боль. Потом на Колыме в Магадане он создавал блестящие джазовые оркестры: блестящих музыкантов – эков хватало. Он почти не спал: писал оркестровки, ноты, джазовые пьесы. Там, на задворках империи, можно было себе позволить намного больше, чем в центре. (Магадан – край земли —дальше загнать некуда, – пиршество интеллектуалов. Это понимали даже надсмотрщики). Но все равно, он был эк, он был всегда голоден. Его спасла смерть Сталина. Он был освобожден. Он тоже уехал, но только в 1973 году – раньше было невозможно. За эти почти 20 лет он создал культуру джаза в Советском Союзе. Музыканты его боготворили.

Знаменитый ленинградский тенор П. (фамилию забыла) создал в Инте Театр оперы и балета из заключенных.

(Задумайтесь на минуту: что же это за враги, шпионы, диверсанты – эти музыканты, певцы, танцоры?! И все в те времена были невыездные...)

Из многих миллионов, а возможно, и не одного десятка миллионов (точных цифр нет, данные достаточно разноречивы), прошедших через ГУЛАГ, выжили НЕ БОЛЕЕ 10% (речь идет о «58-й»). Это люди, которым посчастливилось работать по специальности и избежать общих работ: империя ГУЛАГ нуждалась в специалистах, а вольных не хватало. **НО И ИЗ ЭТИХ 10% ДАЛЕКО НЕ ВСЕ ПОСЛЕ СМЕРТИ СТАЛИНА ВОЗВРАТИЛИСЬ НА БОЛЬШУЮ ЗЕМЛЮ**, к своим родным. Большинству не к кому было возвращаться: их семьи погибли в лагерях, а дети в колониях. (Если муж получал 8 лет, жена получала 3 года лагерей. Если мужа расстреливали, жена получала 5 лет лагерей; дети отправлялись в колонии для детей репрессированных). Дети отрекались от них, вычеркивая их из жизни. Да и они уже были другими: изувеченные, больные, с не вытравляемой печатью ада в душах. Жизнь была сломана, разрушена, к старому возврата не было... Выходя из лагерей, они не знали, куда им идти: идти было некуда... Многие так и остались жить в Зоне.

Однажды, в начале 70-х годов, мой шеф в своих туристических блужданиях по российскому Северу набрел в Коми на необычный поселок. Он удивил его удивительной чистотой и ухоженностью. В столовой он съел вкусный, сытный и дешевый обед, какого не ел ни в одной из столовых (а он бродяжил много) нигде и никогда. Это был поселок эков, 58-й, которым не к кому и некуда было уходить из Зоны. Они остались в ней, и в этом маленьком поселке, в этом забытом Богом краю построили без ВОХРа и НКВД свой «социализм». Всех, кто не подчинялся законам поселка, они изгоняли).

А те, которые легли костями в вечную мерзлоту Норильска, Магадана, Сургута, Салехарда, оставили производственную инфраструктуру, города и поселки за полярным кругом, за которым лежит более половины природных богатств России. **НО ПАМЯТНИКОВ ИМ ТАМ НЕ ПОСТАВИЛИ**. А если они и есть, то, вероятно, такие же жалкие, как и постыдный День их Памяти 30-го октября, о котором знают только причастные, последние, **УХОДЯЩИЕ**... и одинокий Соловецкий камень на площади Дзержинского...

Они поступали в лагеря после этапов. Этап – это, наверное, самое страшное в этой адовой цепи.

По огромной территории Советского Союза длинные составы из телячьих вагонов, набитые людьми, тащились от западных границ, из Центра к Дальнему Востоку иногда долгие недели, чаще – долгие месяцы. Вагоны были набиты так, что часто не только лечь, но и сесть все одновременно не могли. Людей почти не кормили, а часто целые сутки и даже более не поили –

даже в жару, зимой не давали кипятка. Оправляться выводили один раз в сутки, а иногда и в двое, всех вместе, мужчин и женщин. Все должны были в эти несколько данных минут оправиться до следующего раза.

Холод (или жара), голод, смрад, антисанитария не поддаются описанию и человеческому воображению. Места живым освобождались за счет умерших, но мертвые нередко долго продолжали путешествие вместе с живыми. Иногда к месту назначения прибывала живыми лишь половина отправленных. В некоторых вагонах иногда живых не оставалось.

Иногда безобразия становились столь вопиющими и смертность узников так высока, что это заставляло органы НКВД принимать меры. Назначенные для этого комиссии расстреливали иногда половину лагерного персонала (или конвоя) – и охрану и начальников (со своими они почему-то церемонились еще меньше, чем с их подопечными), но ситуация не менялась или менялась ненадолго.

На станциях назначения выживших полуживых людей заставляли присесть на корточки или стать на колени (иногда на коленях держали по несколько часов), сесть на землю, раздеться догола. Так легче было за ними наблюдать, да и унижительность, неудобство поз, причиняемая ими боль радовали мучителей. Дальше они шли пешком, нередко многие сотни километров. – 500 километров и более, по нехоженным снегам Сибири, по северным болотам, по раскаленным пескам Казахстана; шли иногда в летних пальто и платьях, иногда в туфлях на высоких каблуках, в театральных нарядах, в бальных платьях – в том, в чем их застал арест. (В места заключения они пребывали, когда уже были холода, снег, тем более, что в тех местах, куда их направляли, лета практически не бывало). Иногда им выдавали бутсы и ватники.

Мы знаем, как экзотически Великий и Мудрый любил арестовывать ленинских соратников, коминтерновцев, дипломатов, военные чины: чем значимее была личность, тем красочнее был обставлен ее арест.

Его приспешники стремились во всем подражать своему Хозяину и часто отлавливали свои жертвы неожиданно вне дома: в кафе, в театре, на банкете, на курорте, в поезде, на балу. И часто арестованные летом, они попадали на этап зимой и оставались лежать по обочинам троп, по которым их гнали (что, возможно, было благом – быстрым избавлением от мук). Никто не считал, сколько их, не дошедших до лагеря. Их подгоняли приклады охранников и угрожающий лай и рычание собак. В дороге они спали прямо на снегу, в песке, на болоте под открытым небом.

А. И. Солженицын описывает некоторые пересылки: Котласскую, Карабасскую (под Карагандою), Княж-Погостский пересыльный пункт.

На таких пересылках не хватало или не было вообще мисок. Бланду давали в полу, в ладонь, в банных тазах – наперегонки. Часто в камерах не было параш – их не успевала делать промышленность. А на opravку выводили один раз в сутки.

«Вне лагерных зон – на пересылках, этапах, станциях и т. п. – уголовников вообще почти не ограничивали. У них в обычаях было играть в карты на одежду какого-нибудь соседа – политзаключенного... Шла игра и на жизни заключенных». [178].

Но был еще более страшный путь – морем, на Колыму. Зэков выгружали из вагонов в порту Ванино и полуживых людей загоняли в сырые темные трюмы кораблей, отправлявшихся в Магаданский порт, в бухту Нагаево. В трюмы этих кораблей набивали тысячи людей, туда не спускалась охрана, боясь уголовников. Ко всем обычным ужасам таких этапов присоединялась качка и самое страшное – неограниченная, бесконтрольная, абсолютная власть уголовников. Ограбления, убийства, изнасилования были нормой в этих путешествиях. В порту Нагаево из трюмов выгружали трупы и складывали штабелями – для отчетности... Они все равно были смертниками – не важно, как они умирали.

Бухту Нагаево, Магаданский порт Шаламов назвал причалом ада.

Первые заключенные появились в районе будущего Магадана – «столицы Колымского края» – еще в двадцатые годы (прошлого столетия). Но его бурная жизнь началась с открытия богатых золотых колымских запасов в начале 30-х годов. В ноябре 1931 года был создан Дальстрой. Его территория была равна территории трех Франций. В 1932 году с начала навигации пошел на колымские прииски непрерывный поток заключенных: жизнь эка на приисках – от двух недель до трех месяцев – требовала постоянного пополнения. Поток не прекращался и не ослабевал во все времена сталинщины. Уже в 1937 году там было добыто 80 тонн золота. На Колыме, по самым скромным подсчетам, погибло не менее 700 тысяч человек.

Магадан – самый холодный город на планете. Теперь там живут потомки эков, вохровцев и ссыльных. Им некуда, не к кому и незачем было возвращаться на Большую землю. Он стоит им памятником, символом их мужества и силы духа. Магадан – это не только золото. Это вольфрам и олово. (Поезда туда шли, как на фронт – надо было возмещать потери... Да и до места доходила не всегда даже половина. А на месте погибали все в течение года.)

Магадан – это не только город, построенный на вечной мерзлоте. Это еще 2,5 тысячи километров колымской трассы, построенной кайлом и лопатой, и тысячами жизней. Магадан – это массовые почти ежедневные расстрелы. Это почти полностью выкошенный Дальний Восток, Читинская область сталинским террором.

Магадан для поселенцев был городом свободы духа – все равно край земли, дальше идти некуда...

В Магадане есть музей. Но не музей памяти героев-рабов-мучеников ГУЛАГа. Это музей краеведческий, в котором есть экспонаты лагерного быта. (Других подобных экспозиций в России нет).

Во тьме этапов изредка мелькал свет. Когда этап гнали через поселки, жители, не обращая внимания на собак и конвойных, старались дать экам хлеб, папиросы, какую-нибудь снедь. Описано, как на пасху жители совали им в руки куличи, пироги, крашеные яйца.

Узники АЛЖИРа (об этом лагере написано отдельно и не раз) рассказывают, как однажды на этапе дети забросали их камнями. Им было горько от того, что дети так злы. Но внезапно они обнаружили, что это не камни, а сыр, обваленный в земле для маскировки. И конвоиры были обмануты, потому что камни (специально, конечно) бросали дети.

(АЛЖИР – Акмолинский лагерь жен изменников родины. Через него прошло 18 тысяч женщин. Его начальником был Сергей Баринов. В лагере был строгий порядок, иначе начальник не удержался бы, ибо он делал все возможное, чтобы облегчить участь женщин. Он создал в АЛЖИРе детский сад, в котором находились дети заключенных женщин. Там был начальник Иван Шарф, была врач Хана Мартинсон. Они спасли тысячи жизней. Когда женщины умирали в лагере, многих осиротевших детей усыновили НКВДэшники и ВОХРовцы. Многие из этих детей оказались талантливыми и известными людьми. Они не знают своих настоящих имен и родителей. Большинство узниц АЛЖИРа выжило. В 90-е годы Баринова решили привлечь к суду (не помню, чтобы судили кого-нибудь из преступников времен террора). Может быть, именно за гуманность (в рамках допустимого) по отношению к жертвам?! Но выжившие узницы лагеря встали на его защиту, собрали подписи и отстояли своего тюремщика... Когда его спросили, верил ли он, что они изменники (или жены изменников), он ответил: «Никогда!»)

Не помню, читала или слышала, не помню, когда и где, о встрече на этапе колонны женщин с колонной детей репрессированных. Женщины, оторванные от своих детей, бросились к этим чужим детям, как к своим. Слезы, объятия, поцелуи, рыдания. Против этого оказались бессильны собаки, приклады, крики, мат надсмотрщиков, выстрелы в воздух...

Заключенные выбрасывали в поселках письма своим родным в надежде, что кто-то их найдет и, может быть, отправит по адресу. И люди находили, подбирали и, рискуя жизнью, отправляли...

Но эти светлые моменты не могли заметно повлиять на мрак и тяжесть этапов. Но рано или поздно какая-то часть узников добиралась до лагеря – конечной цели этапа.

Лагерь мог бы показаться пристанью, избавлением. Но здесь их ждали бараки, холод, голод, насилие охраны и бандитов и тяжесть непосильных работ – круги ада, начавшиеся в «Большой зоне», уходили в «Малой» все глубже и глубже во тьму нравственного и физического падения человека. Вот один из примеров (не помню, кем он был приведен): привезли эстонцев. Весной. 800 человек. Рослые, красивые парни. К зиме их осталось меньше сотни... А вот рассказывает Лев Разгон: он прибыл по этапу к месту ссылки осенью 1938 года в отряде из 527 человек. К весне 1939 года их осталось 22 (!).

На воротах Бухенвальда было написано: «Каждому – свое». А на воротах лагерей ГУЛАГа, где условия труда были тем специальным механизмом убийства, который перемалывал эков в скелетомассу для общих могильных ям, писали: «Труд есть дело чести, славы, дело доблести и геройства!»...

Немногие кадры кинохроники, на которых запечатлен рабский труд эков в сталинских лагерях, невозможно видеть. Это вагонетки, тачки, отбойные молотки, лопаты, пилы; серые, оборванные, голодные, потерявшие облик человеческий люди, надрывающиеся в непосильном каторжном труде, подгоняемые надсмотрщиками и размером пайки. Норма превышает человеческие возможности в этих условиях. Невыполнение нормы – скорая голодная мучительная смерть.

Кадров кинохроники мало. Печатных воспоминаний значительно больше. То очень немного, что будет приведено в этой книге, производит страшное впечатление. Но надо помнить, что это записки выживших – тех, кто не попал на так называемые «общие» работы или пробыл на них недолго. (Выживших – 10%!). Что же написали бы те, кто умер в шахтах, погиб на лесоповале, лег под шпалы ненужных (и нужных тоже) железных дорог. А сколько умерло в ссылках и высылках?! Миллионы. Выжили те, кому улыбнулась арестантская удача – это всегда какой-то счастливый случай.

Мне хочется начать описание этого ада с контингента его мучеников, с той «58-й», ради истребления которой была создана эта невиданных масштабов и «производительности» беспрецедентная в истории человечества машина уничтожения.

Похоже, записок женщин больше и они «светлее», если вообще уместно говорить о свете во тьме ада: возможно, женщины чаще попадали на более легкие работы – сельскохозяйственные, обслугу. Может быть, тут играет роль их большая эмоциональность, способность сочувствовать, помогать. (Хотя судьба большинства женщин в ГУЛАГе была специфически тяжела и омерзительна), может быть, их все-таки меньше мучили.

Вот несколько «срезов» лагерных человеческих напластований.

«В одной из палат этого корпуса лежало несколько человек: профессор Ошман, врач, ректор астраханского не то института, не то университета. В углу – знаменитый летчик. Напротив – журналист, в другом углу – художник.» [179].

Еще один: «... В тот вечер мы узнали многое: что здесь есть мать с дочерью, семья бывшего члена ЦК ВКП (б) – они боятся, как бы их не разъединили; что Жаннетт – модистка; Мариет – переводчица и совсем недавно приехала из своей родной Венгрии; Ира и Сонечка – студентки; Сарочка – певица на радио; Нинель – балерина; высокая полька Ядзя – профессор Конакадемии; Эрика – учительница; Лида, у которой в тюрьме повредили три позвонка – оперная певица; матушка Мина – колхозная повариха, была депутатом и имела орден; Марта – авиаинженер; Марина – чертежница...» [180].

Какой красочный букет «врагов» – шпионов, диверсантов, террористов...

Это тот редкий случай (Записки Хэллы Фишер), когда в бараке не было уголовниц – одна «58-я». Это помогало выживать.

«И мы, отверженные, нищие, стали почти богатыми. Мы удивлялись ярко-серебряным звездам, северному сиянию и все меньше говорили о тоске, холоде, болезнях и голоде. Мы рады были тому, что не разучились радоваться.

«Как хороши, как свежи были розы», – часто по вечерам читала нам Бертушка. Ей далеко за шестьдесят... А студентка Сонечка читала Маяковского, а Ирочка читала тюремные стихи... Мы очень полюбили венгерскую песню «Акацо Шут»...

У Сарочки была неисчерпаемая программа – от старинных романсов до знаменитых арий. А Лида – наша «оперная» рассказывала, как год училась в «Ла Скала», год в Париже, как в Москве с небольшой группой «юных дарований» получила от государства в награду беккеровский рояль, но она никогда не пела.» [181].

Но счастье не было долгим – их разгоняли по этапам, на тяжелые стройки, на лесоповал, на рудники – на верную гибель.

Люди умирали, болели. Больных самоотверженно выхаживали врачи – тоже «58-я». Тех, кого удалось выходить, едва стоящих на ногах, гнали на этап.

Х. Фишер – автор вышеприведенных строк была настолько истощена, что на этапе потеряла сознание, зрение, слух. Ее несколько месяцев возвращали к жизни врачи. Один из них, Антон Андреевич, зам. главного врача, не дал ее, уже почти неживую, оставить для морга. У него обычная для тех лет, но все же впечатляющая история: «Дали пятнадцать лет. Многократно таскали на расстрел. Затем отменяли приговор до следующей ночи. Дочку Еленку сослали в Узбекистан. Там она погибла. Жена и мать не вынесли. Умерли почти одновременно. Двоих сыновей загнали на Колыму». [182].

А вот картины с этапа.

«В нашей теплушке было 70 человек. Мы непрерывно разговаривали, общение с такой массой людей опьяняло после трех – четырех лет тюремной изоляции. Наконец, можно было говорить в полный голос, мы кричали, пели. Если встать на нары, можно было глядеть в узкое, как щель, окно, которое шло вдоль теплушки.

Здесь я, наконец, услышала, как поет Лиза. У нее, действительно, был необыкновенный голос. Тембр – чистое золото.

Пела она без всякого напряжения, разливаясь рекой. Иногда она пела романсы Глинки и Чайковского, но пела их очень по-ученически, как выучилась в самодеятельности. Но когда она пела народные песни: «Далеко-далеко степь за Волгу ушла» или «Ах, ты сад, ты мой сад», – лучшего исполнения я в жизни не слышала.

...Среди нас было много рассказчиков. Галя Иванова помнила наизусть много поэм Пушкина, целиком «Евгения Онегина», «Горе от ума», «Лейтенанта Шмидта» Пастернака.

Великолепно читала Ольга Радович. Ната Онифриева рассказывала «Идиота» Достоевского текстуально точно. Рассказывала она его три дня.

Помню, кто-то из нас читал «Горе от ума». На остановке подошел к нашей теплушке командир конвоя и трое солдат. Они, очевидно, некоторое время слушали, потом быстро открыли дверь и потребовали отдать книгу (книг не полагалось). Мы сказали, что никаких книг нет. Командир усмехнулся и ответил: «Да я сам слышал, как читали». Начали обыск. Перевернули всю теплушку – книги не было. Вдруг Галя, глядя на командира, начала читать: «Мой дядя самых честных правил» ... Командир постоял минут десять, подозрительно поглядывая, не показывает ли ей кто-нибудь книгу издали, потом махнул рукой, повернулся и вышел. Ему все-таки казалось, что мы его обманули.» [183].

Это была последняя поросль Российского Возрождения, ее Золотого и Серебряного веков. Эти перлы везли на Колыму, в ее вечную мерзлоту...

Они вырвались из тюрем. Им «повезло» на этапе. Но дальше был ГУЛАГ.

Ольга Адамович-Слиозберг продолжала свои записи уже в лагере.

«Я осмотрела уже хозяйским взглядом свою бригаду. Интеллигентные лица, седые головы. Два профессора, одна писательница, две пианистки, одна балерина. Человек шесть партработников. Все горожанки. У всех атрофированы мускулы четырехлетним (тюремным) бездействием. Все мечтают доказать трудом, какие мы честные, как мы хотим работать, какие мы советские люди.»

Десятник дает задание.

«Вы будете копать канаву. Она начата, имеет метр глубины. Надо углубить ее до трех метров. Норма выработки грунта – девять кубометров в день на человека. (Это женская бригада!). К концу недели выясняется, что продолжительность рабочего дня в летнее время – 15 часов. Один час перерыва на обед. Начало работы в шесть часов утра, конец – в девять часов вечера....

Мы копаем, а дождь моросит, наши тяжелые бушлаты мокры насквозь, глина облепила обувь. Мы копаем... обратный путь кажется невероятно длинным...

К концу недели выясняется, что выполнено всего три процента от задания... Со всеми вытекающими... [184].

Женщины на Колыме выживали (немногие), если им приходилось в основном работать в обслуге, на сельскохозяйственных работах. На общих работах немногие выдерживали один сезон. От тяжелых работ и общих тягот через два года почти у всех женщин начинались постоянные маточные кровотечения. У многих женщин выпадали матки и висели синими мешками между ног.

Все эти пианистки, профессора, балерины, писательницы – «шпионки». «диверсантки» быстро ложились в мерзлоту...

В серых грязных рваных одеждах они были одинаковы все. У них были отняты имена. Они были заменены номерами. Они жили в условиях, по сравнению с которыми пещерные условия дикарей показались бы раем. Все: холод, голод, издевательства блатарей и охранников, унижения, побои, нечеловеческий труд – было направлено на уничтожение души и тела. И они теряли лицо, облик человеческий, забывали свою прошлую жизнь, профессию, человеческие слова и чувства, превращались в доходяг и умирали на нарах или на «марше», добываемые охранниками.

Люди теряли способность думать, чувствовать, ощущать (только голод и холод) – даже боль, плакать, кричать. Их били постоянно, ежедневно: прикладами, ногами, палками, кулаками – в зубы, в нос, в живот, по почкам, по ногам и рукам. Чем больше человек терял силы, тем больше били...

«Бить слабых, доходяг – это особое правило ГУЛАГа. Бьют все: дневальный, парикмахер, нарядник, староста, бригадир, конвоир, кроме должностных лиц... бьют блатари». [185].

Отнимали все: хлеб, посылки (целиком) – подло, хамски. Топтали продукты, в которых была надежда на жизнь, рассыпали, отнимали остатки. Отбирали одежду – все теплое, присланное из дома, взамен швыряли тряпье. Это все был неизбежный мучительный путь к смерти. Отнимали, измывались блатари и охранники. Намек на протест – нож в живот, последний тычок, удар – избавление.

Люди не кричали, только тихо стонали или умирали молча. Может быть, потому, что это было неизбежно. Чем раньше, тем лучше. Десятки тысяч ими забиты насмерть, сотни тысяч расстреляны или перестали быть людьми (был спущен зверь, живущий в природе человека.)

И все же люди, сильные духом, сопротивлялись и умирали, не сдавшись.

Что такое сила духа? Что это? Способность сохранить внутренние нравственные структуры, созданные воспитанием, знаниями, верой? Сохранять их в условиях физических и моральных страданий? В нечеловеческих условиях? Есть люди, которые ломаются быстро. Есть люди, которые умирают раньше, чем ломаются.

У наших «Органов», наверное, есть хорошая статистика, большой материал для научного анализа. Возможно, они даже защищали на нем диссертации... Сколько сломалось, легко, трудно. Сколько начало выдавать, подличать сразу. Сколько умерло под пытками.

Правда, в этих абсурдных условиях, когда «соблюдалась» «законность» в делах, которые творились вне законов, многие подписывали сразу все, что требовали палачи, зная, что ничто ни от чего не зависит: подпишешь – не подпишешь, свои 10 – 15 лет, где-то уже заранее тебе определенные, схватишь. А некоторые даже оговаривали несусветное количество людей, чтобы абсурдность происходящего была несомненна.

В ГУЛАГе сохранять силу духа было, наверное, еще тяжелее, чем в застенках НКВД: ГУЛАГ – финишная прямая, на ней все предопределено и безнадежно.

Но были люди, которые умели в лагерях чувствовать себя свободными, свободнее своих тюремщиков – художник и поэт Аркадий Штейнберг, поэт Наум Каржавин. Это уже не стойкость духа – это особая философия, но для такой философии все-таки необходимы условия, хотя бы минимально совместимые с жизнью, и тогда сила духа умножает силы физические.

Но для особо упорных были не только зуботычины, волокуши и автоматные очереди. Были еще и карцеры.

В карцере человек должен был или умереть, или выйти из него инвалидом. Изобретательность в этом деле лагерного начальства или особых «умельцев» поражает воображение.

Вот один из них: «Сырая грязная дыра в стене, где было холодно и абсолютно темно. Заключенный сидел в нижнем белье, получая один раз в день хлеб и воду. [186].

Вот карцер, описанный Шаламовым: карцер был вырублен в скале, в вечной мерзлоте: достаточно было в нем переночевать – и умереть, простыть досмерти. Обычно в эту камеру бросали обессиленных эков доходяг в нижнем белье – на верную мучительную гибель. Хотя кто знает, что легче – замерзнуть в одну ночь или медленно доходить в забое.

Все лагеря имели карцеры, и почти все они обрекали человека на гибель. Это бывали ямы с ледяной водой или с нечистотами. Иногда человека просто раздевали догола и оставляли на ночь в тайге на съедение комарам или оставляли на морозе.

При повторном отказе выйти на работу – расстреливали. Они работали на 50-градусном морозе, в пургу. На марше в пургу колонну обвязывали веревкой. Любой протест – расстрел.

Вот некоторые штрихи к картине, как оскудевает, звереет душа человеческая в колымском аду.

Варлам Шаламов, журналист, писатель попал в ГУЛАГ за то, что назвал Ивана Бунина русским классиком. Он прошел там уже многие круги ада, когда ему улыбнулась арестантская удача: волею случая ему предоставилась возможность учиться на эка-фельдшера (обычно такое счастье выпадает лишь «бытовикам»). Это было (и стало) его спасением.

«Кости мои ныли, раны-язвы не хотели затягиваться. А самое главное, я не знал, смогу ли я учиться. Может быть, рубцы в моем мозгу, нанесенные голодом, холодом, побоями и тычками – навечно, и я до конца жизни обречен лишь рычать, как зверь, над лагерьной миской – и думать только о лагерном. Но рискнуть стоило – столько-то клеток сохранилось в моем мозгу, чтобы принять это решение.» [187].

Он сдал экзамены – ему помогли люди, которые встречались даже в этом аду. Он стал фельдшером. Он дал себе слово выжить, чтобы описать этот ад.

Шаламов описывает блатной мир, как нечто ирреальное, трудно вообразимое, но существующее рядом с нами. Он называет его «подземным» миром. Подземный мир – это ад, царство дьявола, царство чего-то «обратного», противоположного, противного тому человеческому, что есть в нем от Бога.

Со дня большевистского переворота 25 октября 1917 года большевики вскармливали уголовный мир, плодили подонков, грабителей и головорезов в мерзостях братоубийственной гражданской войны, вооружая их лозунгами «Грабь награбленное!», «Кто был никем, тот ста-

нет всем!», «Бей, круши!» и т. п.. Красная Армия укомплектовывалась прежде всего этими элементами, многие из них становились командирами, атаманами.

Но пришли другие времена, и эти громилы оказались неуместны в гражданской жизни. Их пришлось изолировать. Они получали небольшие сроки, они оставались «социально близкими», но тем не менее. обстановка тюрем и лагерей не способствовала их человеческому совершенствованию, тем более, что и правовая и тюремная системы с первых дней советской власти были бесчеловечными. Они проходили в тюрьмах и лагерях уголовные «университеты», «матерели», а на воле (они курсировали между тюрьмами и волей) в условиях нищеты, развалившейся экономики, социальных и нравственных норм жизни, они получали хорошую практику.

Особенностью этого уголовного мира были «малолетки». Это то огромное сиротство, которое оставили после себя Мировая и, главным образом, Гражданская, войны – те, кто не попал в сиротские колонии, приюты и детдома, а проследовали в тюрьмы или тюрьмы-колонии, где получили страшное тюремное образование, не имея за плечами домашнего, школьного, человеческого, которые могли бы смягчить страшный тюремный опыт, который приобрели эти полулюди – полужверушки, полужвери. У них не было ничего за душой, кроме злобы и привычки к насилию.

Для уголовного мира Советского Союза на воле, но более всего – в лагерях: именно там они концентрировались в плотные массы, там они чувствовали себя привилегированными, «социально-близкими», по сравнению с «врагами народа» – политическими, именно там, где их поощряли к насилию, – не было такого преступления, такой чудовищной жестокости, такого глумления над всем святым, что есть на этой земле, которое остановило бы этих человекоподобных. Там они и плодились: они насиловали уголовниц или сходились с ними, и их потомство составляло основной контингент лагерных детдомов. (Детдома категории ЧСИР были не при лагерях). Эти дети там, в основном, погибали, но, если выживали, пополняли уголовную популяцию, являясь страшным ее вариантом: тюремные условия, полное отсутствие воспитания, нищета, болезни, отсутствие тепла и общения не могли оставить им ничего от человека, кроме его внешнего облика. Они людей убивали, резали, резали на куски, выкалывали глаза – не было зверства, на которое они не были способны. Они и в своей среде по отношению друг к другу тоже были беспощадны. А интеллигенты – это был особо лакомый продукт...

«Уголовники (носившие такие клички, как «Вошь», «Гитлер», «Кнут») назывались на жаргоне «урками» или «уркаганами». Позднее они именовались «блатными», а сами о себе они говорили, что они «в законе», то-есть подчиняются лишь законам уголовного мира.

Одним из этих законов (в то время неукоснительно соблюдавшимся, а позже, как говорят, видоизмененным) был отказ настоящего «урки» от работы. Поскольку приказы воровского штаба в пределах лагеря были столь же эффективны, как распоряжения лагерной администрации, с этим обычно ничего нельзя было поделать... уголовники фактически имели негласное соглашение с лагерными властями насчет того, что за них (и за себя, конечно) будут работать «политические...». [188]. А это весьма ускоряло гибель политических: они не выполняли повышенных норм (даже обычные нормы были практически невыполнимы для обессиленных голодных людей. Но увеличенные – тем более. Их «пайка» резко уменьшалась, и начинался короткий гибельный путь «доходяги».

Уголовники отнимали у политических посылки, которые те получали один раз в год: обычно в них были теплые вещи, витамины, какие-то ценные продукты – то, что могло помочь выжить в условиях голода и холода.

Условия лагеря были рассчитаны на то, чтобы попавшие в них политические погибали. Но уголовники делали их гибель более мучительной, неотвратимой и быстрой.

Выжить можно было на бытовых работах, в обслуге, но эти места занимало ворье помельче, не попавшее в разряд блатных «в законе».

(И этот мир населял огромный Архипелаг ГУЛАГ в СССР. Он там пил кровь человеческую, кровь своих жертв – «политических», брошенных ему на съедение. Напиваясь кровью, упиваясь своей властью, этот «подземный» запредельный мир жирел, плодился. Ширился и крепчал в своем уродстве, в своем отрицании человеческого, выплескивался через колючую проволоку из «Малой зоны» а «Большую», отравлял и разрушал ее, проникал в армию, в хозяйственные структуры, разрушал нравственные основы и традиции народа, губил молодежь, калечил целый народ.)

В лагере они не работали, с кухни им тащили лучшие куски. В больницах на койки выброшенных на верную гибель больных их укладывали на санаторный отдых, ибо всех, кто не подчинялся их воле, в том числе и врачей – неприкосновенных людей в лагерях – неизменно находили зарезанными, удушенными, замученными.

Блатари – люди только по структуре тела и физиологии. Больше ничего человеческого в них нет: жестокость, хитрость, коварство – все приписываемое им «рыцарство», их «ордена» – это фикция, поза, удобство существования в их «подземном» мире для «королей» и свиты и не более того.

Вот как описывает этот «подземный» мир А. И. Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГ»:

«...Это смешение, эта первая разящая в-стреча происходит или в воронке, или в вагон-заке... Вталкиваясь в сталинское купе, ты и здесь ожидаешь встретить только товарищей, по несчастью. Все твои враги остались по ту сторону решетки, с этой ты их не ожидаешь. И вдруг ты поднимаешь голову к квадратной прорези в средней полке, к этому единственному небу над тобой – и видишь там три – четыре – нет, не лица! Нет, не обезьянних морд, у обезьян же морды гораздо добрей и задумчивей! Нет, не образину – образина хоть чем-то должна быть похожа на образ! – ты видишь жестокие гадкие хари с выражением жадности и насмешки. Каждый смотрит на тебя, как паук, нависший над мухой... Они кривят рты, будто собираются куснуть тебя избоку, они при разговоре шипят, наслаждаясь этим шипеньем больше, чем гласными и согласными звуками речи, – и сама речь их только окончаниями глаголов и существительных напоминает русскую, она – тарабарщина.

Эти странные гориллоиды скорее всего в майках – ведь в купе духота, их жилистые багровые шеи, их раздавленные шарами плечи, их татуированные смуглые груди никогда не испытывали тюремного истощения. Кто они? Откуда? Вдруг с одной такой шеи свесится – крестик! Ты поражен и немного облегчен... Но именно этот «верующий» вдруг загибает в крест и в веру (ругаются они отчасти по-русски) и сует два пальца тычком, рогатинкой, прямо тебе в глаза – не угрожая, а вот начиная сейчас выкалывать. В этом жесте «глаза выколю, падлю!» – вся философия их и вера.

Если уж глаз твой они способны раздавить как слизняка – так что на тебе и при тебе они пощадят? ... Посланником харь опускается вниз кто-то, чаще всего плюгавенький малолетка, чья развязность и наглость омерзительнее втройне, а этот бесенок развязывает твой мешок и лезет в твои карманы – не обыскивая, а как в свои! С этой минуты ничто твое – уже не твое, и сам ты – только гуттаперчевая болванка, на которую напялены лишние вещи, но вещи можно снять. Ни этому маленькому злому хорьку, ни тем харям наверху нельзя ничего объяснить словами, ни отказать, ни запретить, ни выпроситься. Они – не люди, это объяснилось тебе в одну минуту. Можно только – бить!... Но снизу вверх тех трех ты как ударишь. А ребенка, хоть он и гадкий хорек, как будто тоже бить нельзя? Можно только оттолкнуть мягенько? Но и оттолкнуть нельзя, потому что он тебе сейчас откусит нос, или сверху тебе сейчас проломают голову (да у них и ножи есть, только они не станут их вытаскивать, об тебя пачкать).

Итак, ты даешь снять с себя пальто, а в пиджаке твоём прощупана и с клоком вырвана зашитая двадцатка, мешок твой брошен наверх, проверен, и все, что твоя sentimentalная жена собрала тебе после приговора в дальнюю дорогу, осталось там, наверху, а тебе в мешочке сброшена зубная щетка.» [189].

Чувствуется, как великому русскому писателю, виртуозно владеющему русским словом, трудно дается описание этой нечисти, потому что язык не предполагает ее существование на земле. Это продукт особого учреждения, созданного не Богом и даже не Сатаной – исчадием Ада.

Подлый преступный мир есть везде, но такой «малины», такой власти, такого разгула, наверное, не знала никогда блатная братва ни в одной стране мира. Эта уголовная человекоподобная, но не имеющая ничего общего с Человеком мразь множилась, матерела, насасывалась крови, твердела в наглости, самоуверенности, садизме, алчности и самоощущении хозяев мира сего в ГУЛАГе, в сталинских лагерях. Их дух, их гены, их потомки, перекрасившиеся, приспособившиеся и сегодня отравляют нашу жизнь.

ГУЛАГ – это огромный Ад, построенный на земле вместо светлого общества справедливости и счастья. Строительство общества счастья не давалось, не получалось – силы шли на строительство Ада.

(Вадим Туманов – активный, честный, принципиальный человек. Такой был, конечно, не ко двору в большевистском социализме, а потому не избежал и Колымы, но смерть Сталина его спасла: вместо 25 лет он провел на Колыме всего 7 – с 1949 по 1956 год. В телевизионной передаче «Совершенно секретно» он сказал: когда после приисков Колымы читал у Данте о кругах Ада, ему они казались чем-то вроде трехзвездочного отеля»...)

Но это был ад особого свойства – ад, созданный человеческими подонками. Он не наказывал грешников. Он уничтожал лучших представителей рода человеческого, уничтожал сотнями тысяч, миллионами, а плодил нечисть – страшную, неистребимую, непобедимую, плодил тысячами, десятками, сотнями тысяч. Там одни становились «чинами», другие – «авторитетами»...

(Вспоминается эпизод, прочитанный в далекие 60-е в «Самыздате».

Зимой в сорокоградусный мороз двое эков пилили дрова. Пилили молча, не глядя друг на друга. Там нет сил, а потому и не принято разговаривать, рассматривать друг друга, знакомиться. Все в тряпье, одинаковые серые лица – маски смертников. Обмороженные, покрытые инеем, закутанные во все мыслимое и немыслимое – одни глаза. И вдруг – искра, ток, что-то неизъяснимое... Они взглянули в глаза друг другу... Это были двое ученых с мировыми именами. Там, на воле, они знали друг друга, работали в близких областях, встречались на конференциях, семинарах, на банкетах. И вот встретились в этом аду ...)

Есть у этого ада еще почти не затронутые страницы: судьба женщин в нем.

В лагерях была и любовь, и разврат, и страшные преступления на сексуальной почве – столь же страшные, как и вся обстановка в ГУЛАГе.

В каждом лагере, где есть заключенные женщины, всегда имеются совершенно неприкрытые дома терпимости. Наложниц имеют все – от начальника лагеря до последнего конвоира...

Большинство миловидных женщин, попавших в лагерь, неизбежно гибнут в грязи этого лагерного разврата, если у них не хватит силы воли покончить жизнь самоубийством. И никто, никакая сила не спасет эту женщину от черной грязи невыразимого растрепания души и тела. Если попавшая в лагерь женщина откажется от первого предложения, она по самому пустяковому предлогу будет избита уголовниками до потери сознания. Если теперь она с лицом, покрытым синяками и кровоподтеками, с вырванными волосами, все же не даст согласия идти в наложницы, то она немедленно будет отправлена в карцер, где ее неделями будут морить голодом, и, если и здесь она не будет сломлена, ее переведут в штрафной лагерь, где она для острастки другим женщинам будет «пущена под трамвай» – подвергнута массовому изнасилованию». [190].

Женщин насиловали в лагерях. Там было много достойных, интеллигентных женщин, «бывших» (дворянок», студенток). Их насиловали уголовники, подонки, вохровцы, всякая

грязная душой и телом подлая шваль. Насиловали с невообразимым глумлением. После этого женщины или погибали, или кончали с собой. Выходом могло быть согласие стать «законной» любовницей какого-нибудь уголовного «авторитета».

Рассказ «Колымский трамвай» [191] описывает встречу на этапе двух бригад, женской и мужской. Охранники отдают женщин во власть уголовщины. Женщин насилюют досмерти, отбрасывают трупы и принимают за следующих. От всей бригады осталось в живых 2 женщины, которых присвоили «авторитеты».

Это уже нелюди. Рассаживать их по клеткам в особых зонах для человекоподобных? Как лечить зло, которое разъело все человеческое, оставив лишь человекоподобие как поругание идеи человека?

Это мог создать только человек, соединивший мерзость человеческого и сатанинского; человек, люди создали эту смрадную яму, в которой в крови, болезнях, муках, криках, ужасах всех возможных видов насилия отравлялась, переплавлялась, смердела, погибала Россия, лучшая ее часть; где в этом месиве плодились, бесновались, наливались ядом ее подонки.

Те, кто создал этот земной ад, должны быть прокляты во веки веков за надругательство над человеком, над Божьим промыслом, за преступления, названия которым человеческий язык не имеет...

Вот строительство железной дороги [192]:

«... большинство заключенных болело цингой, несмотря на разгар лета. Пища с каждым днем становилась хуже. Часто три дня и хлеба не бывало. Каждый день литр жидкой сечки на первое и пол-литра густой – на второе. На ногах появлялись твердые на ощупь багровые пятна, вскоре превращавшиеся в гнойные язвы. Многие по утрам не могли подняться с нар, их тащили к вахте, как кули с картошкой, подталкивая пинками. За вахтой некоторые, сделав над собой усилие, поднимались и вставали в строй, а другие так и оставались лежать на земле. Тогда появлялась лошадь с трелевочными волокушами, больного привязывали к волокушам и по пыли и кочкам волокли до тех пор, пока он или не отдавал Богу душу, или не вставал на ноги...

Карьер, тачки, лопаты. Истощенные, покрытые цинготными язвами ээки, у которых нет сил выполнить даже половину нормы.

Была принята еще одна мера воздействия на невыполняющих норму: из особо отстающих тут же на трассе создавались бригады. Их оставляли на трассе без сна и отдыха на всю ночь. Менялся только конвой. Нечего говорить, что это помогало, как мертвому припарки.

Чуда не происходило, сил уходящих не прибавлялось, кубиков – тоже. Только по утрам к зоне начали подвозить покойников».

(Так можно было поступать только с людьми, которые подлежали уничтожению. Но и это не оправдывает такого зверства. Не говоря уже о расточительности кретинов, которые руками и жизнями этих рабов – «врагов» социализма строили социализм. Беспощадность и уничтожение превыше целей социализма.)

Работа в зной и в дождь, в морозы и в пургу. Кличи «Давай, давай!», скверная похлебка, рваные лохмотья и зеленые лица ээков. Ударная стройка железной дороги, соединяющей страну с ухтинской и воркутинской нефтью и углем.

Время шло. В местах, еще недавно покрытых непроходимой тайгой и болотами, пролегла железная дорога, схоронившая под собой многие тысячи людей. (Под каждой шпалой – покойник – арифметика бывалых лагерников.) Вырастали новые поселки.»

А вот о тех, кто вырубал тайгу для прокладки дорог и строительства поселков.

«Лесозаготовительные лагеря отличались низкими рационами питания и тяжелыми нормами выработки... Для человека, не привыкшего к тяжелой физической работе, направление на продолжительный срок на лесозаготовки было равносильно смертному приговору.

Имеются показания фельдшера одного из северных лесных лагерей. За две зимы, – говорит он, – умерло по 50% заключенных. В среднем же каждый год от смерти и истощения терялось 30% рабочей силы. ... Даже сравнительно мягкие лесные лагеря были лагерями смерти... После года (работ) люди становились уже неизлечимыми. Их переводили на более легкую работу, как доходяг, а оттуда дорога вела в морг... Ибо, если вы ослабевали, вам снижали пайку, и обратного хода уже не было...

Мертвецов хоронили в больших ямах с бирками, привязанными к ноге.

По скромным подсчетам, из данного количества заключенных, отправленных в лагерь, через два – три года оставалась половина.» [193].

А сроки были 8 – 10 – 20 лет. Если срок кончался и человек выживал, ему добавляли новую десятку, в лучшем случае – отправляли в ссылку. А тех, кого выпустили после войны в 1947 – 48 годах, арестовали снова. Они никогда не должны были вернуться в «Б. зону». Отец народов изрек: «Они не были нашими врагами, они стали нашими врагами». – А, так значит, НЕ БЫЛИ!!! Знал, что не были...

Лесоповал – это были не лесозаготовки, необходимые особой «Экономической» зоне. Это была прежде всего душегубка. В таком количестве лесоматериала не нуждалась ни «Большая», ни «Малая» зоны. Но лесоповал «перемалывал» этот «зловредный» человеческий материал надежно и быстро. В результате в этой мясорубке погибли не только сотни тысяч людей, но и великая российская тайга и великие сибирские реки: тайга была вырублена, реки запружены никому не нужным огромным количеством сплавного леса, который гнил, опускался на дно, отравляя воду и рыбу. Российская тайга – это уникальное явление на планете. Есть индийские и африканские джунгли, есть джунгли амазонской сельвы, но такого огромного массива лесов, какой был в России в начале прошлого века, полного грибов, ягод, орехов, пушнины не было нигде. Теперь нет и в России. Эти леса вырубил зэки. Должны же они были «падыхать». Они «падохли»... вместе с лесом...

Наша необъятная страна несет на себе страшную печать ГУЛАГа. «Архипелаг» обратил ее в огромную Зону одноразового использования. Мертвым становилось все, к чему прикасалась рука смертника. Бараки, колючая проволока, гниющие болота и реки, миллионы непогребенных трупов, гниющих или хранимых мерзлотой; разрушенные, заброшенные, обветшавшие, полувывершие старые (некогда цветущие) старые города и новые поселения и тюрьмоподобные города с печатью смерти на челе. (А в 19-ом веке Сибирь, по мнению иностранных путешественников, развивалась более бурно и интересно, чем Америка).

Те, кто летал над Россией с запада на восток или с востока на запад, знают, что бескрайнего прекрасного, сказочно богатого российского леса, этого уникального на планете явления уже не существует. Есть отдельные его островки, разжиженные и изуродованные, и мелколесье. Под прицелами автоматов он вырублен неумелыми руками интеллигентов и бессильными руками доходяг.

На колымском рационе питания было вообще трудно выжить более двух лет. Самое позднее к четвертому году заключенный был уже не способен ни к какой работе, а к пятому году не мог оставаться в живых.

На рудниках срок жизни не превышал трех месяцев. (А по свидетельству Хавы Волович [194], «здорового человека хватает на месяц, того, кто послабее – недели на две.»)

Там добывали другое золото: «Тридцать седьмой год, – пишет Шаламов, – принес следствию и лагерям много людей с золотыми зубами. У тех, кто умерли в забоях Колымы – недолго они там прожили, – их золотые зубы, выломанные после смерти, были единственным золотом, которое они дали государству в золотых забоях Колымы. По весу этого золота было больше, чем эти люди намыли, нагребли, накайлили в забоях колымских за недолгую свою жизнь.» [195].

А короткосрочников там не было. Все они были смертники. Оттого так много там было самоубийств. Многие сходили с ума.

Самоубийства, по-видимому, были специфическим явлением большевизма, но это так же тщательно скрывалось от общества, как все остальные специфические особенности их управления страной. Трудно было скрывать самоубийства известных писателей и поэтов: Есенина, Маяковского, Цветаевой, Фадеева. Остальных же: министров, военачальников, ученых, тем более, НКВДэшников (кто их знал?) – так же скрывались, как и аресты...

В рудниках работала только 58-я (!). Урки, блатари умели увернуться: их боялись и охрана, и администрация. Если их даже туда посылали, никто не мог заставить их работать: норму за них должна была выполнять «58-я», оттого она погибала еще быстрее.

Почти во всех записках бывших лагерников, наверное, самым страшным злом для них, постоянной смертельной унижительной пыткой были уголовники, блатари. Там, где была «58-я», бытовики, там можно было даже в условиях холода, голода, невыносимого быта выживать благодаря взаимной поддержке, возможности человеческого общения, уважения и дружбы.

«Тот», который их уничтожал, понимал это не хуже их и раньше их...

ТАМ КАЛЕЧИЛИ ДУШИ, ИМЕННО ДУШИ. Тела им все же были нужны для рабской работы. А души – это должно было быть уничтожено прежде всего. Это Божественное начало в человеке было более всего неприемлемо в этом аду, в дьяволиаде, там разыгравшейся...

«В некоторых случаях нормы на те или иные работы далеко превышали все человеческие возможности – так было, например, на строительстве дороги Котлас – Воркута. Выполнить больше тридцати процентов такой нормы было невыносимо, так что за эту самую тяжелую работу не получалась пайка больше 400 граммов. На ветке на той же дороге, в направлении на Халмер – Ю, средняя жизнь лагерника длилась три месяца». [196].

(У декабристов в Нерчинске, по «Запискам Марии Волконской», норма была 3 пуда руды на человека. Норма наших лагерников, каторжников социализма, по Шаламову, была 800 пудов. А орудия труда были те же и питание другое!)

Умиравшие от голода люди в лагерях рылись на помойках, выискивая там кухонные отбросы. Чтобы лишить их и этого, отходы кухни сбрасывались в туалетные ямы. Но и это не останавливало голодных. Люди теряли от голода рассудок...

Лютый холод тоже калечил тела и души.

«Мороз, тот самый, который обращал в лед слюну на лету, добирался и до человеческой души. Если могли промерзнуть кости, мог промерзнуть и отупеть мозг, могла промерзнуть и душа. На морозе нельзя было думать ни о чем. Все было просто. В холод и голод мозг снабжался питанием плохо, клетки мозга сохли – это был явный материальный процесс, и, Бог его знает, был ли этот процесс обратимым... подобно обморожениям эти разрушения были навечно, так и душа – она промерзла, сжалась и, может быть, навсегда останется холодной». [197].

А вот А. И. Солженицын (устаами своего героя): «Общие работы – это главные, основные работы, которые ведутся в данном лагере. На них работает восемьдесят процентов заключенных. И все они подымают. ВСЕ. (Курсив мой). И привозят новых взамен – опять на общие. Там вы положите последние силы. И всегда будете голодные. И без ботинок. И обвешены. И обмерены. И в самых плохих бараках. И лечить вас не будут. ЖИВУТ (курсив авт.) же в лагере только те, кто не на общих» [198].

Общие работы – это был Освенцим, но много хуже, так как смерть была неизбежной, но долгой и мучительной. Один из лагерных рассказов В. Шаламова («Надгробное слово») начинается так: «Все умерли...»

Вот еще эпизод из жизни ГУЛАГа.

В 1947 году, на пике одной из волн арестов, Сталин высказал идею строительства железной дороги в устье Оби.

«И в течение четырех с лишним лет, зимой, в глубочайшем снегу, при морозах до 55 градусов, а летом на болотах под тучами комаров трудились на гигантской трассе заключенные. Восемьдесят лагерей, расположенных с интервалом около пятнадцати километров, строили 1300-километровый путь. Если бы эта работа была когда-нибудь завершена, то стоимость каждого километра дороги составила бы от четырех до шести миллионов рублей. В конце концов было уложено около 850 километров рельсовых путей, на протяжении 450 километров поставлены телеграфные столбы. Но после смерти Сталина строительство прекратили из-за ненужности дороги. Увезли технику, ушли люди... Сотни километров рельсов ржавеют.» «В тундре остались рельсы, поселки, паровозы, вагоны.» [199].

Это тоже один из перлов гениальности Мудрого. Правда, главной цели своей эта стройка добилась – под каждой шпалой, у каждого столба – труп. Но дешевле было бы и «гуманнее» – просто девять граммов в сердце...

В этом аду руками рабов-смертников не просто прокладывались дороги или строились шахты – здесь строился «коммунизм»

Они строили поселки и города на вечной мерзлоте, на болотах, в тундре, в тайге. Они добывали уголь, золото, никель, олово, медь, алмазы, платину, слюду, уран, создавали продукты самообеспечения. Все это делалось, главным образом, ручным трудом, киркой и ломом, лопатой и тачкой.

В 1949 году на долю ГУЛАГа приходилось 100% добычи платины, слюды, алмазов; более 90% золота, свыше 70% олова, 40% меди, свыше 35% сажи, 33% никеля, 13% леса. Валовая продукция ГУЛАГа составляла 10% общего выпуска продукции в стране. Следует помнить, что производительность труда зэков была в несколько раз ниже таковой у «вольных». Себестоимость гулаговской продукции, несмотря на бесплатность труда, была значительно выше, иногда в несколько раз, чем на воле.

Эта разрушительная экономика наносила огромный материальный ущерб стране, не говоря об уничтожении лучших людей страны и отрыва их от высокопроизводительной, иногда чрезвычайно ценной, необходимой стране профессиональной деятельности на воле.

Эта противоестественная деятельность губила не только людей, но и природу. Экологический ущерб от этой деятельности ГУЛАГа – огромен.

Стройки не выполняли планы, объекты не сдавались в срок, несмотря на значительные суммы дотаций из государственного бюджета.

Далеко не всегда эти стройки были вызваны нуждами народного хозяйства. После смерти Сталина многие из них были прекращены – всего около двадцати крупных объектов.

Деятельность особых конструкторских бюро – «шарашек» была весьма разнообразна. Однако любое научное или экономическое достижение ГУЛАГа – даже в «первом круге» его Ада – было в значительно большей степени потерей, чем достижением. Там, где подневольная группа заключенных специалистов создавала один самолет, в условиях свободы она создала бы восемь». [200].

Руководители ГУЛАГа были партийные функционеры энкаведешного «замеса». Научные кадры, решавшие сложнейшие производственные вопросы – вопросы строительства и развития промышленности в условиях вечной мерзлоты и мн. др., – были зэки. В «М. зоне» было большое количество НИИ, конструкторских бюро, в которых работали специалисты высокой квалификации (зэки). За их открытия и производственные достижения партийные функционеры получали чины, награды, Сталинские премии. Они научились жить «красиво» в этом аду. Они были рабовладельцами, царьками, князьками. Они широко эксплуатировали образование, квалификацию, умение своих рабов.

(И сколько их, не нужных никому дорог, каналов, поселков, шахт затерялось в снегах, песках, вмерзло в вечные льды?! И живые серые поселки и города ГУЛАГа, нищенски-унылые, безжизненные, некоторые из которых только десятилетия спустя, по требованию новых

времен, начинают оживать, но изменить дух и нравы этих мест гораздо труднее, чем их внешний облик.

«На Дальнем Севере, к востоку от Урала, существует ряд лагерей особо сурового режима, так называемые лагеря строгой изоляции». О том, что там творилось, известно лишь по слухам, поскольку из тех лагерей людей ни при каких обстоятельствах не выпускали живыми... Норильск был центром группы лагерей более страшных, чем колымские, такую же исключительно скверную репутацию имели лагеря на островах Новая Земля, – оттуда возвращались немногие, да и были ли такие?

Есть множество свидетельств о специальных штрафных лагерях.

В начале сороковых годов был введен режим каторги. Сталин вводит его в первые годы страшной войны. Он был преступником в этой войне перед народом. Надо полагать, сознание этого усиливало его безумный страх, и он бесновался в беспощадности. Это и каторга, и лагеря особо жесткого режима для военных. Они знали очень много: они должны были исчезнуть... (Фазиль Искандер в «Рассказах дядюшки Сандро» пишет, как Сталин уничтожил «подельников» своего преступления. Но тогда он был мелким разбойником. Теперь он был не мелким. И масштабы его преступлений были иные).

Приговоренные к каторге должны были первые три года спать без матрацев и одеял, их рабочий день был дольше, работа тяжелее и условия хуже. В отдельных лагерях заключенных, нарушавших режим, заковывали в кандалы до окончания сроков» [201]. (Какой цинизм, какие три года, какое «окончание сроков» – там жизнь измерялась неделями, месяцами...)

До какого же зверства может дойти человек? Где, как выращивали извергов, творивших это зло? Но главный изверг, создавший это все, и спецлагеря в том числе, настаивавший на ужесточении пыток, зверевший, если кого-то не удалось сломать, ликвидировавший «неумелых», периодически убиравший «застарелые» кадры, заменяя их новыми, был «он». Эта система создавалась им, его идеями, его духом, его прямыми распоряжениями. Возможно, ему не удалось до конца познать, во что превращает человека школа озверения. Но это не меняет дела, ибо он был идейным создателем и организатором ее, он знал ее суть, цель и масштабы, и более страшного чудовища, наверное, земля никогда не носила.

Спецлагеря были созданы в начале войны по его прямому приказу. Во время войны количество лагерей резко возросло. Режим в них был более жестокий, чем в других. Они были обнесены дополнительными рядами колючей проволоки. В эти лагеря поступали те, кто вышел из окружения, бежал из плена, те, которые, безоружные, смели отступить под натиском немецких танков и немецких хорошо вооруженных частей, – т.е. те, кто расплачивался за его политические ошибки (и преступления и стратегические просчеты).

После победы он транзитом отправил в ГУЛАГ 2 миллиона советских военнопленных из гитлеровских концлагерей. Но в гитлеровских лагерях они выжили, а в сталинских – почти никто. Туда же, в бездну ГУЛАГа, ушли 20 тысяч американцев, освобожденных Советской Армией. После корейской войны – корейцы, после вьетнамской – вьетнамцы и американцы. Туда же ушли 5 миллионов насильственно репатриированных. (У Сталина, по-видимому было правило: никто из иностранцев, как и никто из россиян, побывавших за рубежом, свободным в СССР быть не должен – все в ГУЛАГ. А оттуда для них выхода не было. В ГУЛАГ после войны хлынул весь актив общества присоединенных к СССР в 1939 году республик. Туда же отправились пленные немцы. Всего, по разным данным, от 12 до 17 миллионов человек. Туда же были отправлены женщины с маленькими детьми, рожденными от немцев (в лагеря или на поселение). (Амнистия по случаю победы практически не коснулась «политических»). (И в гитлеровских лагерях из 11 миллионов погибших – 4 миллиона россиян)

Колыма за годы войны облысела: посадок в колымские лагеря во время войны было меньше. Старые эки вымерли. Но уже наступала «холодная война». Сталин готовил и гото-

вился к новой Мировой войне. Началась новая волна террора. ГУЛАГ никогда не пустовал, но в конце 40-х – начале 50-х забурлил снова.

Великой мясорубке ГУЛАГа было мало холода, голода, насилия уголовников и охраны. Поэтому достаточно часто в этот механизм включали еще одно радикальное звено – расстрелы.

То, что было особенно опасно, расстреливалось сразу в «Б. зоне». В «М. зоне» это были «отсроченные» расстрелы, плановые расстрелы, внеплановые, специальные (по звонкам из Москвы), стихийные.

Из Москвы поступали приказы о ликвидации определенной части бывших участников оппозиции – и эти приказы выполнялись...

Изуверы ГУЛАГа изощрялись в поисках особо извращенных злодейств: иногда расстрельные группы они заставляли возглавлять интеллигентов: профессоров, докторов наук, музыкантов. Отказ – немедленный расстрел или неминуемая смерть в карцере.

В начале Великой отечественной войны Сталин приказал расстрелять в лагерях еще живых военспецов (тех, кого он не вытащил во второй эшелон армии). Когда немцы подошли к Москве, он приказал расстрелять всех случайно недобитых.

После смерти Сталина и Берии не знали, что делать с огромным количеством заключенных. Бескрайний Архипелаг ГУЛАГ потерял свое предназначение. Многих просто расстреляли, утопили на баржах.

Сталин любил кино. Надо полагать, кинозаписи лагерей существуют (или существовали) – не только те, которые выходили в широкий прокат, и он их видел. А для него могли делать и специальные. Возможно, узнав, увидев вопиющие детали лагерных преступлений (если он их не знал), ухмыльнулся бы в усы... Ибо он не был человеком, и он не был зверем – он был воплощением самого черного сатанинства, и, наверное, Сатана – развенчанный ангел небесный не изобрел в своем подземном царстве таких мук, какие здесь, на земле изобрели его человекоподобные выкормыши.

(Протестовать в этом аду было бессмысленно: жалоба, протест, указание на нарушение внутреннего распорядка, – как правило, – расстрел. И все же люди протестовали.

Узники 20-х – начала 30-х годов, по традиции старых политкаторжан царских времен (а их там было немало) объявляли голодовки, часто длительные, жестокие. Бывали в лагерях и восстания. Побегов политических практически не было. Они не умели убивать конвой и им нигде было укрыться. НКВД-КГБ зорко отслеживало всех подозрительных, а тот, кто укрыл, последовал бы за эком. А донос бдительного сексота был бы весьма поощрен.

После смерти Сталина, хотя положение эков не изменилось, лагерный мир всколыхнулся. Акции неповиновения следовали одна за другой. Против непокорных использовались все средства: ножи уголовников, собаки, солдатские автоматы и даже танки. Расправы кончались расстрелами, ужесточением режима, увеличением сроков, но люди успевали почувствовать вкус глотка свободы, толику человеческого достоинства – того самого ценного для человека, что с таким тщанием истреблялось не только в «Малой зоне», но и в «Большой». [202].

Сталинский тюремно-лагерный быт продумывался тщательно, даже «художественно». Человеку, надолго вырванному из нормальной жизни, лишенному всего привычного, всех радостей и тепла жизни, нужно очень мало, чтобы воспрянуть духом: кусок неба, куст зелени, кусок хлеба – все это ценится там стократ. Великий и Мудрый и банда его знали это.

В старых, от царских времен тюрьмах, оставались еще не полностью задраенные окна, дворы для прогулок, где еще по углам сохранялись травка и кусты, тюремное постельное белье, неплохие библиотеки, шахматы, шашки, где разрешались газеты. В тюремных камерах были койки и столы.

Но по мере того, как нарастал террор, условия в тюрьмах и следственных изоляторах становились все более и более бесчеловечными, все чаще – чудовищными.

В тюрьмах исчезали нормальные кровати. Их заменяли привинчивающиеся к стенам нары, которые завинчивались с 6 утра до отбоя. Взамен их появлялись тоже привинчивающиеся стулья 40 на 40 сантиметров. Ни столов, ни игр, ни газет, ни клочка неба. Давалась (да и то не везде) одна книга в неделю. На прогулочных площадках вырезали кустарник, срезали траву, заливали дворы асфальтом. Что творилось в следственных и пересылочных тюрьмах, уже говорилось.

В лагерях бараки, трехэтажные нары; зимой бараки отапливаются плохо; эки к утру часто примерзают к нарам, иногда – навсегда...

А вот о пищевом рационе ГУЛАГа.

Для мужчин на тяжелых работах, выполняющих и перевыполняющих норму, – 800—900 граммов в день, а для женщин – 600 граммов; для выполняющих 50 – 70% нормы 500 граммов мужчинам, 400 – женщинам; штрафная норма – 300 граммов.

В дополнение к этому все эки получали (должны были получать) 100 граммов солевой рыбы и 60 граммов крупы, 5 граммов муки, 15 граммов растительного масла, 10 граммов сахара, 3 грамма чая, 300 граммов кислой капусты [203].

Но при традиционном российском воровстве, многоэтажном пути, особенности лагерной службы питания и бандитизме уголовников до эка доходила лишь незначительная доля этой нормы.

Вот описание лагерной еды у А. И. Солженицына в «Одном дне Ивана Денисовича».

«Баланда не менялась ото дня ко дню, зависело – какой овощ на зиму заготовят. В летошнем году заготовили одну соленую морковку – так и прошла баланда на чистой морковке с сентября до конца июня. А нонче – капуста черная. Самое сытное время лагернику – июнь: всякий овощ кончается и заменяют крупой. Самое худое время – июль: крапиву в котел секут.

Из рыбы мелкой попадались все больше кости, мясо с костей свалилось, разварилось, только на голове и на хвосте держалось. На хрупкой сетке рыбьего скелета, не оставив ни чешуйки, ни мясинки. Шухов еще мял зубами, высасывал скелет – и выплевывал на стол. В любой рыбе он ел все: хоть жабры, хоть хвост, и глаза ел, когда они на месте попадались, а когда они вываривались и плавали в миске – большие рыбы глаза – не ел. Над ним все смеялись». [204].

Р. Конквест приводит рацион известного японского лагеря военнопленных на реке Куай (Тха Махан).

«Там пленные получали на день 700 граммов риса, 600 граммов овощей, 100 граммов мяса, 20 граммов сахара, 20 граммов соли и 5 граммов растительного масла, что составлял 3400 калорий, в составе которого, как и в СССР, недоставало витаминов» [205].

Надо полагать, эти продукты доходили до военнопленных, и это в других условиях быта, климата и режима.

Но свет есть и во тьме. Даже в системе ГУЛАГа в отдельных лагерях встречалось лагерное начальство, которое старалось создать для эков условия, в которых человек мог не только выжить, но и не сломаться.

В наиболее мощных лагерных системах, как Дальстрой, Сиблаг, Колымские прииски вряд ли что-то могло существенно зависеть от отдельных личностей. Но все-таки Берзин – начальник огромного Дальстроя умел сдерживать энергию мясорубки, пока не был за «мягкотелость» снят и брошен в ту же жертвенную массу.

И в длинной цепи изуверов, с которой сталкивался каждый отдельный человек, встречались и люди, способные к сочувствию и деятельному сочувствию. Они долго не удерживались в тех краях и часто погибали тоже, но иногда успевали помочь и даже спасти человеку жизнь.

Но «священными», «неприкасаемыми» были самоотверженные врачи ГУЛАГа – тоже эки, все та же «58-я». Сколько требовалось усилий, чтобы в тех условиях возвращать к жизни тяжело больных, доходяг, иногда полутрупы?! И возвращали к жизни героическими усилиями,

профессиональными и человеческими подвигами – кого-то надолго, кого-то на краткий срок лагерных мучений.

Но на пути почти каждого, кто вышел из этого ада, на том или ином этапе, были такие «спасатели», которые помогли выжить...

Р. Конквест описывает поразительный эпизод.

(Мы так научились лгать, демонстрировать колхозы-миллионеры, показательные пионерские лагеря, общедоступные клиники, научные лаборатории, что «потемкинские деревни» времен Екатерины Второй – детские игрушки, по сравнению с нашими достижениями. Но и это все мелочовка по сравнению с главной ложью всей сталинской эпохи (да и последующих времен) – ложью Большого Террора, сталинских тюрем, ГУЛАГа. Пусть ничего не понимали «Верные Русланы», но чины НКВД, начальники тюрем и лагерей знали, что истребляют невиновных. Но за чины и награды (и из страха) делали это вдохновенно.

Что же удивляться тому, что описывает Р. Конквест.

«В 1944 году произошел уникальный случай во всей истории концлагерей. Магадан посетил вице-Президент Соединенных Штатов Америки Генри Уоллес, его сопровождал профессор Латтимор. Уоллес нашел, что Магадан – место идиллическое. Об ужасающем Никишове он с одобрением писал, что тот „весело кружился вокруг нас, явно наслаждаясь прекрасным воздухом“. Уоллес отметил материнскую заботу Гридасовой и восхищался вышивками, которые она ему показывала... женщины-заключенные, умевшие вышивать, делали художественные вещи для жен лагерной аристократии – высших сотрудников НКВД – за ничтожные хлебные подачки. Делали в свободное время, т.е. после десяти – двенадцатичасового рабочего дня, в условиях лагерных бараков... На него так же произвела большое впечатление и его супруга... Мистер Никишов, начальник Дальстроя, был только что удостоен звания Героя Социалистического Труда за свои исключительные достижения. Он и его жена проявляют интерес к искусству и музыке, свойственный образованным и чувствительным людям. У них отмечается глубокое чувство гражданской ответственности.»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.